

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

7

МЮНХЕН 1977

О Г Л А В Л Е Н И Е

С Рождеством Христовым!	1
Э. Оганесян. Еще раз о национализме	2
В. Пирожкова. О некоторых аспектах власти и построения общества	8
Иосиф Мацкевич. Не было пустых патронташей	15
Анатолий Михайловский. Пакт между «Континентом» и «Культурой»	18
А. Федосеев. Заглядывание в будущее	20
В. Ингул. Без злобы и гнева	23
Ю. Машков. Непрочитанное показание	25
Уголовная Россия	30
Владимир Рудинский. Обзор зарубежной печати	33
Е. Кармазин. Экономические заметки	37
Письмо В. Максимова в редакцию «Голос Зарубежья»	39
Празднование 60-летия октябрьской революции в Израиле	40
Постскриптум редакции	40

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 7

Декабрь 1977

МЮНХЕН

С Рождеством Христовым!

Мы поздравляем всех наших сотрудников, читателей и друзей с великим праздником воплощения Бога во плоти. «И Слово стало плотью». На земле не нашлось Ему другого пристанища, кроме жалких яслей, но ангелы возвестили изумленным пастухам великую радость и мир на земле людям доброй воли.*)

Много было с тех пор псевдонаучных школ, направлений и идеологий, которые отрицали существование сознательной доброй и сознательной злой воли. Человека определяли как функцию среды, думали — иногда искренне, трогательно и наивно, — что стоит только человеку хорошо объяснить, где правда, где ложь, где добро, а где зло, и он, если поймет, то непременно изберет истину и добро, а не ложь и зло. Если же он еще пребывает во лжи и зле, то потому, что не понял всего. Надо только еще лучше, еще яснее ему все растолковать, и он откажется от лжи и зла. Человеческий разум возводили в роль высшего и неподкупного судьи, не замечая, как он может быть лукав. В один холодный ноябрьский день посадили даже полураздетую и дрожащую от холода «богиню разума» на оскверненный алтарь парижского храма Святой Девы.

«Богиня разума» давно покоится в земле, и к ее могиле заросла и тропа. Храм Пресвятой Девы давно восстановлен для служения Ей и Ее божественному Младенцу. Но и сейчас есть много людей, которым кажется, что простой человеческий разум, а не тот высший Разум, Который воссиял нам в день Рождества, может служить критерием истины, судьей в добре и зле. И что достаточно толково объяснить людям, что хорошо, а что плохо, как они не только поймут это разумом, но и начнут соответственно поступать. Трудно поверить, что есть злая воля. Что человек может очень хорошо и ясно понять, что добро и что зло и, поняв, и з б р а т ь з л о . Н е

хочется в это верить. И впрямь не хочется. Но не понять многого в этом мире, если не учесть наличия злой воли.

Вот в той стране, где издается наш журнал, молодые люди, мужчины и женщины, встали на путь террора. Для них ничего не стоило убить не только тех, кого они считали «врагами народа», но и непричастных людей, заложников, среди них детей, лично ни в чем не виноватых. Но когда их последний план не удался, часть из них не только покончила с собой. Эти люди направили дух разрушения и ненависти не только на самих себя, но и попытались замаскировать самоубийство под убийство. Один, долго видимо, упражнялся, чтобы суметь выстрелить себе в затылок и тем самым представить свое самоубийство как знаменитый «выстрел в затылок». Другая, выжившая, утверждает, что не она сама себе нанесла раны, а что в ее камеру был впущен газ, она потеряла сознание, а когда пришла в себя, была в крови. И хотя международная медицинская экспертиза установила, что Баадер мог выстрелить сам себе в затылок (многие данные доказывают, что именно он сам и стрелял), а ни в камере, ни в крови Меллер не было найдено ни малейших признаков какого-либо одуряющего газа, легенда пущена. Эта легенда должна представить демократическое правовое государство в виде фашистского, применяющего те средства, которые применяли именно фашисты. Эти люди не то, что лгали перед смертью, они лгали самой своей смертью. Что может быть страшнее?

И все же... может быть, они субъективно верили, что делают добро? В полном помрачении ума верили, что народ угнетен и что цель оправдывает средства, что ложь смертью будет во спасение многим. Трудно это предположить, но все же последнего приговора ни один человек произнести не может, ни обвинительного, ни оправдательного. Это прерогатива Бога. Но если даже эти самоубийцы сами не были одержимы

*) В греческом и латинском текстах Евангелия от Луки стоит: «и на земле мир в людях доброй воли».

последней злой волей, то все же она руководила их действиями. Воплощалась ли она в их начальниках, откуда-то, из анонимности, им приказывавшим, — есть основания думать, что они покончили с собой по приказу их тайного центра, — или еще в далеке стоящей инстанции, но все же за их действиями стояла злая воля. Стоял тот, кто направляет эту злую волю на земле, кто искушает к тому, чтобы ей поддаться. И если он завладел волей человека, никакие разъяснения больше не помогут.

И люди доброй воли могут ошибаться, даже много и часто. И они могут грешить в том или другом. Но если они останутся при искреннем стремлении устоять в доброй воле, Господь их не оставит и поможет преодолеть ошибки и грехи. И хотя надо как можно дольше надеяться, что тот или иной человек, — это именно ошибающийся человек доброй воли, — надо знать, что есть и люди злой воли. Есть страшная злая воля, которая, как кажется, выявляется все более открыто и беззащитно. Ей надо противостоять.

Может быть, от рождественского привета наши читатели ожидали другого, более успокаивающего и радующего. Но мы думаем, что сейчас не время для самоуспокоения. Нашей великой радости, рождения в свет Сына Божия, от нас, христиан, никто не отнимет. Она останется с нами и в самые страшные времена, и если мы будем гонимы и оклеветаны; но мы должны знать, что злая сила становится все ожесточеннее и борьба против нее все труднее. Коммунизм, выражение злой воли на нашей несчастной родине, растет и ширится. Гениальная стратегия обмана позволяет так называемому еврокоммунизму угрожать свободной Европе. Борьбу надо вести не только против открытого врага, но и против ловкого искусителя. Но мы эту борьбу должны принять во имя нашего Знамени, во имя Иисуса Христа.

К этому мы призываем всех наших сотрудников, читателей и друзей. Мы сознательно взяли на себя тяжелый крест, но как раз он и является нашей надеждой. «СИМ ПОБЕДИШИ».

Редакция

Э. ОГАНЕСЯН*)

Еще раз о национализме

Я националист, и для меня это значит, что нация представляет собой единственную человеческую общность, принадлежность к которой я ощущаю, а не мыслю. Класс, государство, партия, человечество, — все эти категории и мою принадлежность к ним я воспринимаю лишь разумом. И если я страдаю за людей, вообще, то страдаю разумом. А национальное горе и боль моего народа я ощущаю непосредственно, всем своим существом, точно так, как мать чувствует боль сына.

Я националист, а это значит, что я не только констатирую наличие национального разнообразия, но и радуюсь ему, считая его естественным и богоданным.

Я националист, поэтому твердо знаю, что интернационализм может существовать только при наличии национализма, что при его отсутствии интернационализм есть либо бессмыслица, либо, лишенный духовной почвы космополитизм.

Я националист, и именно поэтому знаю, что ни одна нация не имеет морального права навязывать другой нации свой образ

мышления и свою форму общественной организации.

Я националист, и поэтому не могу отказать любой другой нации в праве быть националистом, тем более не могу отказать в этом великому русскому народу. И еще, как националист, я знаю, что спасение моего народа в возрождении естественного и здорового русского национализма, а не в ликвидации национального разнообразия, которым заняты советские руководители, марксисты, социалисты и коммунисты всех толков, и еще те, кто ищет для всех людей и народов вторые, третьи и четвертые пути, словно все мы столь одинаковой породы собаки, что на всех нас можно шить одинаковые ошейники.

Я националист, поэтому не стесняюсь сравнивать нации с породами собак, которым в этом отношении повезло больше, чем нам, людям. Человечество проявляет трогательную заботу о сохранении «чистых собачьих пород» и выписывает этим счастливым паспортом с родословной от 10-го поколения, а проблемы сохранения каких-то особых пород мамонтообразных слонов или человекообразных обезьян возведены в ранг государственной важности. Да, и

*) Э. Оганесян — армянин и националист. Мы рады возможности опубликовать в нашем журнале его интересную статью. Редакция.

обыкновенным травам повезло больше, ибо вот как о них печется сам Солоухин: «Понравится эта идея — распахать луга, засеять их какой-нибудь одной культурной травой, и начнется искоренение десятков и сотен разнообразных прекрасных трав, несущих земле, миру и, конечно, нам, людям что-нибудь свое, драгоценное, на других не похожее... И так нарушится естественный баланс природы и так обеднеет и она, и мы с нею вместе. Не говоря уже о такой вовсе не пустяковой вещи, как утрате красоты нас окружающего мира».

Я националист, а потому мучительно чувствую, что никому нет дела до проблемы сохранения, например, моего народа, который имеет за плечами трехтысячелетнюю историю, который стоял у истоков цивилизации, который первый в мире провозгласил христианство государственной религией, который стал жертвой первого геноцида 20-го века и который мог бы не менее породистых собак и трав принести миру и земле, «что-нибудь свое драгоценное, на других не похожее», не говоря уже о такой вовсе не пустяковой вещи, как свое самобытное искусство.

Я националист, и поэтому страдаю от бесправия любой нации. Страдаю от того, что в отличие от людей, бегающих за своими правами по судам и общественным организациям, униженным и оскорбленным нациям не в какие двери стучаться.

И вот я, националист, считаю своим первейшим и единственным общественным долгом борьбу за сохранение, за права, а если возможно и процветание моей нации с кем бы и как бы ни пришлось вести эту борьбу.

Ну вот и все мое вступление. А пишу я об этом только потому, что слишком часто за последнее время, с разных точек зрения различные течения и веяния стали охватывать саму национальную идею. И, к сожалению, нашлось не мало людей, кто испугавшись и стыдясь своего национального чувства, запрятал его как можно подальше. Люди испугались своего национального самосознания, потому что на них, ни в чем не разобравшись, стали навешивать ярлыки фашизма, нацизма, антисемитизма, сталинизма, расизма, шовинизма и всего того, что ставит национальную идею под отрицательный знак. А между тем национализм здоровое и естественное чувство, которое ничего общего не имеет с негативной стороной национальной идеи. Но прежде чем отвечать на все эти нападки, я остановлюсь на некоторых вопросах общего характера.

Вся негативная сторона национальной идеи, или попросту говоря расизм, строится на следующих трех постулатах:

1. Существует естественное богоданное национальное разнообразие.

2. Различные нации имеют различный вес, различную ценность и следовательно существуют «хорошие» и «плохие» нации, «высшие» и «низшие» расы.

3. Так называемые «хорошие» и «высшие» имеют больше прав на жизнь, в связи с чем они вольны притеснять и даже уничтожать «плохих» и «низших».

Разберемся во всех этих постулатах с точки зрения мною понимаемого национализма. Тот национализм, который я назвал здоровым и естественным, первый постулат полностью признает. Что это значит? Давайте пока не будем интересоваться вопросом, что должно служить целью национального развития, благо ли общества в целом, или благо отдельной личности. Пусть нас пока интересует только, есть ли нация нечто иное, чем искусственное суммирование отдельных людей, нечто иное, чем название для совокупности и взаимодействия людей. Есть ли нация некоторая подлинно объективная реальность, не исчерпываемая совокупностью входящих в нее индивидов.

Как известно, в социально-философской мысли, борясь между собой и сменяя друг друга, постоянно присутствуют два направления: социальный атомизм и универсализм. Оба эти направления корнями уходят в древность. Социальные воззрения Платона и Аристотеля, например, несут характер универсализма. Для Платона общество есть организм, который имеет свою гармонию и свои особые законы. Согласно Аристотелю, не общество производно от человека, а, напротив, человек произведен от общества. Для него человек вне общества есть абстракция, столь же невозможная как живая рука, отделенная от тела, которому она принадлежит. Но уже в античной мысли мы находим и обратное направление — сингуляризм. В качестве вполне завершенной теории мы находим его у Эпикура и его школы. Для эпикурейцев общество есть не что иное, как результат сознательного соглашения между отдельными людьми об устройстве совместной жизни.

Для решения спора между универсализмом и сингуляризмом обычно в философии противопоставляют две категории: личность и общество. Однако на мой взгляд проблема оказалась бы гораздо проще, если бы между личностью и обществом в целом вклинилась бы вполне естественная категория, именно нация.

Действительно, нация это та общность людей, которая не есть добровольное согласие. Наряду с порядками, действительно созна-

тельно введенными через законодательство, в нации мы обнаруживаем общности и то, о чем никто никогда не договаривался и чего не придумывал. И именно эта сторона национальной жизни является господствующей. Язык, нравы, обычаи, темперамент, вкусы — все это существует без всякого сговора, возникает само собой, а не как умышленная цель общей воли всех. Люди не вступают в нацию, они рождаются уже принадлежащими к ней, унаследовав все ее историческое прошлое.

Нацию можно воспитать в разных направлениях, приучить к тому или иному образу жизни, но лишь в пределах того, что ограничено общей природой нации. Деспотизм и насилие может лишь привести к смерти, но никак не к жизни в иных условиях, в иной сущности.

Таким образом, каждая нация представляет собой реальность, идущую от первопричины, и тем самым представляет один из элементов мировой гармонии, которую и следует назвать национальной гармонией. Сами же нации объединяются в более крупные сообщества на добровольных началах на основе сговора и договора. Следовательно оба принципа и сингуляризм, и универсализм действуют в человеческом обществе. Однако, многие убеждены в том, что нации — временные категории, что со временем национальное разнообразие исчезнет, ибо это разнообразие имело лишь временную необходимость. И если нации должны исчезнуть в грядущем, имеет ли смысл сегодня бороться за их сохранение? Этот вопрос возникает, обычно, в результате ложного философствования о конечной цели исторического развития. Этот тип философии рассматривает все многообразие исторического развития лишь как средство и путь к конечной цели, а не как нечто, имеющее смысл в самом себе и на равных правах со всеми стадиями, которые существуют в целостной жизни человечества. Такая философия опирается на веру в «прогресс». Согласно этому воззрению, человечество беспрерывно идет вперед к какой-то конечной цели, к последнему завершению и идеальному состоянию. Все сменяющиеся исторические эпохи суть лишь последовательные этапы на пути продвижения к этой цели. Основное заблуждение этих философов заключается в том, что они рассматривают историю как временный процесс, как смену периодов, уводящих в необозримую даль. История в таком понимании превращается в бессмысленную бесконечность. Между тем подлинная философия истории заключается не в том, что сменяющие ее эпохи суть средства к какой-то воображаемой конечной цели, а в том, что ее конкретное

многообразие есть выражение единства духовной жизни человечества.*) Как биография отдельного человека имеет свое значение вовсе не в описании того, как человек всю жизнь шел к высшему своему достижению — старости, так и история человечества нечто большее, чем такое описание. Все стадии развития человечества одинаково необходимы, ничто не может считаться лишним, ненужным, только потому, что оно временно. Чтобы подчеркнуть нелепость противоположного утверждения, я делаю его сторонникам варварское предложение: идите и убейте своих детей, матерей, братьев и сестер, ибо вы точно знаете, что не дожить им до ста лет. Зачем же кормить, поить и хлопотать о них, если всем им суждено рано или поздно умереть.

Христианский путь отрицает тот ложный максимализм, который отвергает низшие ступени во имя вершины. Если путь ведет к подлинной гармонии, и эта гармония есть конец мирового процесса, то оправдан весь процесс, все стадии, и несовершенное ее начало, и универсальный конец. Ни одну из них человечество не должно миновать. Опережение собственного пути противоестественно. И, следовательно, сама постановка вопроса о целесообразности наличия национального многообразия — бессмыслица. Стремление, как можно быстрее избавиться от этой «временной» стадии развития ради более совершенного будущего безнравственно, независимо от того, достигается ли это путем прямого геноцида или с помощью террора ассимиляции. Вот все это для меня и означает признание богоданного национального разнообразия. Все это делает мое существо очень чувствительным к моей национальной принадлежности. Однако значит ли это, что всем людям присуще это чувство? Нет, не значит. Ведь и святое материнское чувство в наш индустриальный век утрачивают иные матери! Наряду с нормальными матерями есть и такие, которые отдают своих детей в детдома, а то и под забором оставляют. Значит ли это, что мы, националисты, осуждаем тех, кто лишен национального самосознания. Нет, не значит. Мы не осуждаем, мы жалеем их. Мы не осуждаем их, как не осуждают дальтоники за то, что они не различают цвета, и слепых за то, что они не видят света. И пусть не обижаются господа космополиты, может быть, они видят нечто, чего никак не можем разглядеть мы. Вот и давайте будем слушать каждый свою музыку. Не навязывайте нам вашего джаза, а мы не будем мешать вам своим Бахом.

*) Историк Леопольд Ранке писал, что каждая эпоха непосредственно связана с Богом. Прим. ред.

А теперь перейдем ко второму постулату, то есть к оценке наций.

Если мы признаем за нацией нечто большее, чем простая совокупность людей, то должны признать за ней также наличие национального характера, национального образа мышления, национальной формы поведения и всего того, что называется национальной индивидуальностью. Но признав национальную особенность, мы должны будем признать также право оценивать эту особенность. Верно ли это? Можно ли давать нациям те или иные оценки? Я считаю, что можно, если сам критерий оценки не абсолютизируется и не несет в себе ничего качественного, кроме констатации факта наличия разнообразия. Чтобы было ясно, что в моем утверждении нет ничего предосудительного, необходимо несколько слов сказать о самой идее оценок сложных явлений.

В поисках удобства, приспособляясь к специфике процесса мышления, люди всегда стремились при оценке многофакторных явлений найти некую единую меру для всех сторон и факторов одновременно. Мы всегда пытаемся некоторым образом усреднить оценки различных сторон явления, с тем, чтобы иметь возможность одним числом или качеством оценить сложное явление, которое тем и многогранно, что не поддается единой оценке. Все эти попытки не только лишены смысла, но и вредны. Их следует избегать всюду, где оцениваемое явление многомерно. Мы говорим про школьника, что он хороший, если у него по всем предметам имеются хорошие оценки. А вот Тигран Петросян, с которым я учился в школе, по всем предметам имел плохие оценки и оценивался как очень плохой ученик. А этот «очень плохой ученик» взял и стал чемпионом мира по шахматам. И произошло это потому, что шахматы как предмет не входили в школьную программу. Так вот, возвращаясь к вопросу оценки нации, следует категорически отказаться от ее абсолютной оценки, то есть оценки по всем показателям одновременно. Единственное, что мы имеем право делать, так это оценивать каждую сторону в отдельности, не отдавая предпочтения ни одной из сторон. Мы не можем сказать, что данная нация «хорошая», не указав по какому показателю идет оценка. Но мы всегда можем сказать, например, что итальянцы хороший, если не лучший народ по музыкальности. Я не специалист по национальным характерам, но мне кажется специалистами, если вообще таковые имеются (если нет, то очень жаль) всегда могут выделить, например, индийских йогов, которые в воспитании духа достигли такого совершенства, что умеют выходить в ас-

рал, то есть отделять душу от тела. Наверное всегда можно обнаружить народы с различными характерами и с различным отношением к труду, к Богу, к смерти, к природе, к любви и т. д. Но ни один из них нельзя назвать хорошим или плохим в абсолютном смысле. Каждый хорош в свою эпоху, в свое время, на своем месте. Однако все нации и характеры совершенно необходимы в целостной гармонии мира.

Наконец, коснемся третьего пункта, то есть постулата неравных прав для различных народов. Я говорю коснемся потому, что ни один подлинный националист не будет серьезно обсуждать эту проблему. Равенство прав всех наций столь очевидно и столь непосредственно вытекает из признания национальной гармонии, что эти права признают даже те, кто на самом деле лишает этих прав различные народы. Равенство национальных прав очевидно, но оно вовсе не ведет к марксистскому идеалу безнационального общества. Этот идеал — абсурд. Безнациональное как и бесклассовое общество означало бы недифференцированную массу людей. Такое общество никогда не существовало и не может существовать и, уж конечно, не может служить идеалом. Другое дело гармоническое общество без взаимной национальной борьбы при существовании отдельных наций. Такое общество действительно было бы идеалом и именно к такому обществу стремятся националисты. Современная культура создавалась трудом многочисленных поколений, она — результат сотрудничества различных наций. Культура вызывает необходимость сотрудничества, но это вовсе не означает процветание одной нации за счет другой. Да, к тому же нет большего несчастья для народа, чем процветание ценой злодеяния.

Теперь, когда я сказал, что означает мой национализм, я хочу ответить на те нападки, которым подвергается национальная идея в среде российских эмигрантов. Нападки эти имеют различные причины и преследуют различные цели, но все они так или иначе вращаются вокруг русского национализма. Совсем недавно, как в пресе, так и в узких кругах выходцев из Советского Союза, русский национализм стал предметом острых дискуссий. Может быть, обсуждение проблемы проходило бы в более спокойной обстановке, если бы ряд нетерпимых к чужому мнению голосов не накалил бы обстановку своими, я бы сказал, недобросовестными, выпадами. К этим голосам я отношу прежде всего Вадима Белодерковского и Левитина-Краснова. Последний, несмотря на спокойный тон и внешнюю академичность изложения, наго-

ворил такое, что больше всех подлил масла в огонь.

Свое отношение к национальному вопросу и к русскому национализму в частности Вадим Белоцерковский высказал в рукописи, распространявшейся на радиостанции «Свобода», которая была озаглавлена: «Давление русских националистов на радиостанцию «Свобода». Уже в самом названии рукописи понятие русский националист употребляется с оттенком чего-то отрицательного, чего-то нехорошего, чье влияние может только повредить радиостанции. Давайте, по крайней мере себе, признаемся, что если русский национализм явление отрицательное, то отрицательными и подлежащими осуждению должны быть все национализмы: грузинский, армянский, сионизм, татарский, литовский и все, все национализмы. Действительно, было бы честнее выступить против всякого национализма, всякого национального самоопределения, в том числе и русского. Но по заведенному правилу, когда речь идет о национальном вопросе в СССР, обычно все национализмы считаются явлениями положительными, а вот русский национализм это уже что-то нетерпимое. Национализм всех народов, населяющих СССР, — это демократическая оппозиция к власти, а вот русский национализм, как выразился Белоцерковский, это антидемократическая оппозиция. Согласиться с этим никак нельзя. Когда мы говорим, что в СССР национальный вопрос не решен, мы имеем ввиду, что он одинаково не решен для всех народов, в том числе и русского. Более того, подробный анализ национальных взаимоотношений показывает, что международные отношения в Закавказье, в Средней Азии, в Прибалтике не менее остры, чем отношения между русскими и этими же народами. Известны многочисленные примеры, когда те или иные этнические группы и народности просили отделить их из состава той или иной союзной республики и включить их в состав РСФСР. Советская власть не решила, да и не могла решить этих проблем. Национальная политика советских руководителей ведет к уничтожению всех наций, в том числе и русской. Надо дать себе отчет в том, что после того, как она, эта русская нация, «проглотит» все остальные национальности, она не сможет «переварить» их без того, чтобы самой не утратить своей национальной сущности. Проглотив нас, русский народ уже не может считаться русским, как мед медом, в котором имеется ложка дегтя. А нас не ложка, а добрая половина Союза. Это важно подчеркнуть, потому что в России уже давно не «пахнет Русью». А жаль, Русь Достоевского и Толстого, Русь

добродушных русских крестьян, Русь князей Мышкиных, Печориных и даже бесшабашных русских купцов не плохо пахла. Но эту утрату национальных черт почему-то не все видят и не все жалеют о них. Например Белоцерковский такого мнения: «Я не считаю достойным доказывать, что для народа, национально никем не угнетемого и не ущемленного, а, наоборот, находящегося в положении угнетателя, национализм абсурден и может реализоваться лишь в форме шовинизма или расизма». Ах, вот как! Значит, русский народ не угнетен и не ущемлен советской властью. Значит, в национальном плане с русскими все в порядке. Все великие русские писатели дома, они публикуют свои произведения в русских издательствах, на Пасху слышны колокола, и от мавзолея Ленина начинается крестный ход, а вечером студенты, собравшись на площади Бердяева обсуждают «Архипелаг ГУЛаг». Так чего же мы хотим? Отобрать у русских то счастье, которое даровала им советская власть? Не наивна ли наша затея!? По Белоцерковскому русская нация пребывает в идеальных условиях: «Русские территории все в сборе, иностранных войск в стране нет и власть, как никогда в истории, монолитно русская». Но в том-то и дело, что власть в СССР не русская и русских интересов защищать она не может. Не ради русских интересов эта власть выплачивает Кубе дань в два миллиона долларов в день, не ради русских интересов русские ребята в советской форме вступают в Чехословакию, не русский интерес заставляет правительство совать свой нос во Вьетнам, в Заир или Ближний Восток. Русские этого у власти не просят, русские давно мечтают, чтобы их оставили в покое, им давно надоело видеть свое величие в жандармском обличии. Они лишь мечтают о самостоятельном развитии во главе с действительно русской властью в том направлении, которое предназначено для них и которое способны познать сами русские без постороннего вмешательства. Будет ли это Русь с крестным ходом и царем-батюшкой, не наше это дело!

Но странное дело, именно тогда, когда появляются русские люди, ищущие пути для спасения своего народа, когда они своим гениальным чутьем или прозрением призывают нацию «раскаяться и самоограничиться», когда говорят, что «надо перестать выбегать на улицу на всякую драку, но целомудренно уйти в свой дом, пока мы в таком беспорядке и потерянности», когда они требуют «отказаться наводить порядок за океаном и перестать пригребать державною рукой соседей, желающих жить вольно и сами по себе, — обратить свое

национальное и государственное усердие на неосвоенные пространства Северо-Востока», именно в это время, вдруг, против них подымаются возмущенные голоса. Сначала Левитин-Краснов с помощью мысленного опроса граждан на улице Горького в Москве устанавливает, что осваивать Север никто не поедет. Затем г-н Белоцерковский обвиняет Солженицына в том, что он возглавляет русских националистов, которые дают на радиостанцию «Свобода». И так далее.

Что можно сказать по поводу этих выпадов? Все они, по меньшей мере, недобросовестны. Сначала о мысленном эксперименте Левитина-Краснова, который прежде чем атаковать Солженицына вежливо признается, что «не хочет наносить оскорбления гению». Но в чем же обвиняется гений? Во-первых, в том, что он не уловил «великую правду марксизма, которая заключается в том, что рабы наемного рабства — пролетарии — являются производителями всех ценностей и меньше всех этими ценностями пользуются». Во-вторых, в том, что у него родилась идея о заселении Сибири.

Первое обвинение выходит за рамки национальной проблемы, поэтому я не буду на нем останавливаться. Только посоветую г-ну Левитину-Краснову, чтобы он поделился своим гонораром за книгу «Земля дыбом» (если получил) с рабочими типографии, которые согласно великой правде марксизма создали эту ценность. Я лишь остановлюсь на мысленных экспериментах Левитина-Краснова, которые имеют прямое отношение к национальной проблеме.

Известно, что в науке мысленные эксперименты всегда играли большую роль. Правда, они не выходили за рамки существующей теории, но всегда обнаруживали их недостаточность и становились стимулом для новых научных открытий. Так было с парадоксами Зенона, так было с проблемой «Демона Максвелла» и вообще со всеми корректно поставленными мысленными экспериментами. Но так не произошло с мысленным экспериментом Левитина-Краснова, который состоял в мысленном социологическом опросе москвичей на улице Горького. Это мысленное обследование заканчивается весьма оскорбительным для русского народа выводом. А именно: если при опросе от «Охотного» до «Белорусского» найдется хоть один, который согласится покинуть Москву и поехать осваивать Сибирь, то ученому-социологу можно отсечь голову. А позволительно спросить у нашего социолога, что, если бы два с лишним века назад с таким же вопросом пошлись по Лондону, но только вместо Сибири предложили бы Аляску, Америку

или Канаду, толпы лондонцев так бы и бросились осваивать другие континенты? Но ведь нашлись, кто бросился! И отстроили, да еще как отстроили! А почему? Да потому, что не по комсомольским путевкам ехали! Дайте вы только русскому человеку свободу инициативы и поедет он осваивать Сибирь. Поедут, кто за золотом, кто за счастьем, кто за романтикой, а кто и просто «за туманом и за запахом тайги». Отстроят Сибирь, да еще как отстроят!

Далее Левитин-Краснов восхваляет технический прогресс. Но ведь для вас, г-н Левитин-Краснов, для человека религиозного, наверняка благо и истинные ценности лежат в иной сфере, вы должны бы искать их в сфере духовной. И вы наверняка знаете, что с техническим прогрессом все скуднее становится человеческий дух. Так зачем же так превозносить эти создающие нервоз заводы и фабрики? А, может быть, человечество где-то в своем развитии свернуло с божественного пути и сейчас продолжает бодро шагать по ложному пути? Может, нужно вернуть его на прежний путь, пока не поздно? Я бы не возражал вам, если бы вы просто сказали, хорошо бы, но нет, уже поздно. Но вы восхищаетесь этим ложным путем, торжественно провозглашая: «Слава! Слава лучезарному дню 14 июля 1789 года! — в нем в одном больше христианства, чем во всех апологетах средневековья вместе взятых». Не в этот ли лучезарный день родились «Забавная Библия» и «Забавное Евангелие»? Но не мое это дело, вам виднее. Если во французской революции вы увидели так много христианства, вам и ответ держать перед Богом. Я же хочу лишь сказать, что сойти с ложного пути никогда не поздно и все еще возможно, и что приостановить все, что вы называете прогрессом, тоже можно, но для этого вера нужна. Но от веры-то и отказывается г-н Левитин-Краснов, предлагая смелые и решительные меры по перестройке всех областей человеческой деятельности, от школ до Организации Объединенных Наций, от народного хозяйства до церквей. Здесь опять вступают в силу «великие правды» марксистов и интернационалистов, которые задумали разрушить весь мир насилия и построить свой собственный мир насилия. Не хватит ли с человечества космических и общечеловеческих перестроек? Не пора бы каждой нации заняться собственными проблемами и через них служить человечеству? Не пора ли этому человечеству отказаться от непонятно куда стремящегося индустриального бега и приостановившись посмотреть, что от духа-то осталось, не обронили ли мы его при своем стремительном беге. Это марксистский, а не христианский подход, когда

вместо перестройки души перестраивается мировая система, когда из разваливающихся кирпичей пытаются строить прочное здание.

И вот когда один из лучших представителей своего народа предлагает путь спасения души и очищения мирового воздуха, его обвиняют в национализме, вкладывая в это понятие нечто отрицательное и недопустимое. А он, этот мужественный и честный человек предполагает следующее: «И для очищения мирового воздуха и для убеждения других в нашей искренней расположенности, мы не должны ни скрывать этих грехов, ни комкать, ни смягчать в воспоминаниях. Я думаю: если ошибиться в раскаянии, то верней — в сторону большую, в пользу других. Принять заранее

так: что нет таких соседей, перед которыми мы невиновны. Как в прощенный день просят прощения у всех окружающих». И еще его национализм проявляется в другом месте так: «И как в частной жизни исправлять содеянное следует не словом, а делами, так тем более — в национальной. Не столько в статьях, книгах и радиопередачах, сколько в национальных поступках. По отношению ко всем окраинам и заокраинным народам, насильственно втянутым в нашу орбиту, только тогда окажется наше раскаяние, если мы дадим им подлинную волю самим решать свою судьбу». Так вот, оказывается, в чем национализм Солженицына, и вот, оказывается, каких националистов он возглавляет! Помогите им Бог осуществить их замыслы.

В. ПИРОЖКОВА

О некоторых аспектах власти и построения общества

Аристотель когда-то различал три рода правомерной, правильной власти: монархию, аристократию и политеию. Каждая из них имела в его глазах форму вырождения: для монархии это была тирания, для аристократии олигархия, для политеии — демократия. Аристотель это так обосновывает: «Ту форму единовластия, которая имеет в виду благополучие народа, мы называем монархией; господство немногих, но большего числа, чем один человек, мы называем аристократией, все равно означает ли это наименование, что небольшое число лучших или что небольшое число людей заботится о лучшем для народа; если же большинство народа управляет государством, имея в виду благо общества, то мы назовем это общим именем для всех конституций, именно политеия. И это с правом: можно себе без труда представить, что один человек достигнет высших добродетелей, возможно это и для небольшого числа людей, но трудно себе представить, чтобы многие или даже большинство достигли всех добродетелей. Скорее всего это еще представимо в отношении военных доблестей, потому что они — добродетель масс. Поэтому в этой последней форме правления власть находится в руках тех, кто носит оружие.

Искажениями вышеназванных форм являются для монархии тирания, для аристократии олигархия, для политеии демократия. Так как тирания — это такая форма правления, которая имеет в виду только

выгоду монарха, олигархия имеет в виду лишь выгоду богатых, демократия же лишь выгоду бедных. Но о всем обществе не заботится никто». (Политика, кн. 3, глава 7).

Монтескье тоже различал типы власти и пытался дать их характеристики.

Монтескье считает, что демократия должна быть построена на принципе добродетели. Все граждане должны быть в демократии добродетельными, иначе она не может существовать. «Ясно, что монарх, который из-за плохих советников или собственной небрежности не следит за проведением законов в жизнь, может это легко исправить, он должен только переменить советников или преодолеть собственную небрежность. Если же при народном правительстве перестанут господствовать законы, то государство уже погибло. Потому что это может произойти только, если республика подгнила... По мере исчезновения добродетелей, честолюбие захватывает сердца, открытые для него, и жадность вселяется в другие сердца... Граждане перестают любить то, что перед тем любили. Они были свободны по закону, теперь они хотят быть свободны против закона. То, что было принципом, выглядит как строгость, то, что было правилом, называют теперь насилием, то, что считалось осторожностью, становится боязнью». («О духе закона», кн. III, гл. 3).

Отметим от себя, что теперешнее состояние западно-европейских демократий

очень похоже на то, что описывает здесь Монтескье.

Если для народного правительства, по мнению Монтескье, совершенно необходима добродетель всех граждан, то и для аристократии как формы правления она нужна, но не так насущно необходима. Добродетель необходима только управляющему слою аристократов, тогда как народ сдерживается законами, за исполнением которых следит аристократия. Но по меньшей мере внутри своего сословия аристократия должна быть добродетельной.

Наконец, для монархии всеобщая добродетельность не является необходимой. Закон, за исполнением которого следит монарх, сдерживает тех, у кого нет добродетели. Принципом монархии, по мнению Монтескье, является честь. «Это означает, что сословное сознание каждой личности и каждого слоя становится на место общей добродетели, о которой я говорил, и ее заменяет. Честь может воодушевить человека на прекрасные дела: соединенная с силою закона, она так же хорошо может вести правительство, как и сама добродетель». (Книга III, глава 6).

В качестве отдельного вида власти Монтескье рассматривает деспотию. Для деспотии необходим террор. Добродетель здесь не нужна, честь опасна для деспота. От народа, от всех слоев населения требуется беспрекословное подчинение, никто в народе не имеет никакой защиты.

Нет сомнения, что Монтескье строго осуждает деспотию, но монархию он считал весьма приемлемым видом правления.

Мы выбрали произвольно двух очень известных авторов, одного до христианского времени, а другого из того времени, когда христианство как определяющий фактор государственной жизни было в Европе уже на закате. Оба верующие, они оба, однако, не упомянули религиозного момента власти. Что касается до Монтескье, то это особенно показательно, так как он воспитывался в монастырской школе.

Так или иначе, эти два примера показали, что власть можно классифицировать и объяснить с разных точек зрения, смотреть на нее под разными углами зрения и в разных аспектах. Мы сейчас попробуем взглянуть на нее под не совсем обычным аспектом. Мы, конечно, понимаем, что и это лишь один из аспектов.

Нам кажется, что чисто рационалистические рассуждения великого древнегреческого философа и мыслителя 18 века, т. е. эпохи просвещения и торжества поверхностного разума, рацио, не затрагивают тех глубоких, «подземных» токов, какими держится общество и его власть, тех незримых нитей, которые связывают народ и власть.

Мы исходим из необходимости существования власти вообще, отвергая безвластие, анархию. О власти как таковой мы, возможно, поговорим в одной из других статей. Итак, какая-то власть необходима. Но всякая власть находится в поле напряжения между принципиальным несовершенством каждого, даже лучшего человека, и подсознательным стремлением народа видеть свою власть совершенной, безошибочной. Конечно, почти каждый человек, даже простой, если его спросить прямо, ожидает ли он полнейшего совершенства и безошибочности своего правительства, отвечает, что он не ожидает этого, что каждый человек может ошибаться. Но это рациональное рассуждение тускнеет перед инстинктом массы, которая ошибок не прощает, и, по существу, ожидает от правителя или правителей безошибочности.

Возможно, именно поэтому при любой власти возникал неизбежно некий принцип, превышавший эту власть и дававший ей законность и то основание, на котором она стояла.

В наше время мы, видимо, должны видоизменить классификацию возможной власти по сравнению с той, которую дали Аристотель и Монтескье. В наше время представляются возможными три формы власти: монархия, демократия, в совершенном понимании этого слова, и диктатура. Между первыми двумя могут существовать смешанные формы.

Что же является принципами этих типов власти?

Известный американский писатель Марк Твэн, описывая свои путешествия по Европе, возмущался английской толпой, стоявшей у ворот Букингемского дворца в холдную, дождливую погоду и часами дожидавшую выезда принца Уэльского, в то время мальчика-подростка. Чем этот мальчик заслужил такое поклонение? — спрашивал Марк Твэн. Вот наш генерал Грант имеет такие большие заслуги перед отечеством, и то мы не проявляем по отношению к нему такого восторга. Может быть, принц будет когда-нибудь прекрасным королем, который принесет много блага народу, вот тогда Марк Твэн понял бы толпу, но теперь...?

В этом недоумении Марк Твэна сказывается мышление в категориях принципа заслуг и полное непонимание принципа бытия. Отметим, однако, что художник бывает очень часто пронизательнее публициста или мыслителя, если один и тот же человек является и художником, и публицистом или мыслителем. Так было с Л. Толстым, так было даже с Достоевским. А потому художник Марк Твэн все же слегка прикоснулся к той тайне, которая осталась со-

вершено скрытой от Марк Твэна публициста. В своем романе «Янки при дворе короля Артура» Марк Твэн переносит американца 19-го века в Англию прошлых веков, во времена почти что легендарного короля Артура. Благодаря своим знаниям в области физики и техники, янки скоро выдвигается и становится советником короля. Будучи, конечно, социально мыслящим человеком и видя нищету населения, он уговаривает короля пройти вместе с ним, переодевшись в простую одежду, по стране. Путешествуя так, они попадают в совершенно вымершую деревню. В одном домишке, где они встречают еще живую, но уже умирающую женщину, они узнают, что деревня поражена чумой. Первое движение человеколюбивого янки — бежать отсюда без оглядки. Но король останавливает его и спрашивает женщину, не может ли он для нее что-нибудь сделать. Она отвечает, что дни ее сочтены, но вот в этом же доме наверху лежит и так же умирает ее 15-летняя дочь. Ни у нее, ни у дочери нет сил подняться, а ей так хотелось бы перед смертью попрощаться с дочерью. Янки всячески старается удержать короля от крайне опасного и, по его мнению, совершенно ненужного поступка. Ведь они не могут спасти ни матери, ни дочери. Но король только отмахивается от своего советника. Он идет наверх и приносит на своих руках девочку к матери. И вот когда король показался на верху лестницы с больной девочкой на руках, янки вдруг понял, что значит быть королем.

Был король Артур таким? Мы этого не знаем. Много было в истории таких монархов? Вряд ли. И тем не менее: именно такой образ монарха жил как идеал даже в душе республиканца Марк Твэна. Существует ли подобный образ избранного президента?

Но вернемся к принципу заслуг и принципу бытия. Все человеческие общества и государства, какие мы до сих пор знаем из истории, были построены, да и сейчас построены на этих двух принципах. Разница между различными обществами в этом аспекте заключается в том, какой из этих принципов является основным. В обществе, построенном на принципе бытия, принцип заслуг всегда признавался наряду с принципом бытия. В обществе же, построенном на принципе заслуг, принцип бытия не признается. Его только терпят, так как он, как кажется, неистребим. В этих обществах принцип бытия существует как бы неофициально, контрабандой. И все стараются уверить друг друга, что его существование является несправедливостью, которую следует искоренить, но вот только пока еще никак не удается этого сделать.

Что же это за принципы? Вернее, что же такое «принцип бытия»? Принцип заслуг современному человеку гораздо ближе и понятнее. Марк Твэн писал об англичанах, восторженно встречавших мальчика, который не мог еще иметь ни перед кем никаких заслуг. Ему поклонялись только во имя того, что он был тем, кем он был: старшим сыном царствующего короля. Своим особенным бытием, своим рождением в королевской семье, да еще старшим сыном, он был поставлен в особые условия, отличен, возведен на пьедестал. Это и есть принцип бытия.

Мы говорили о разных видах власти. Монархия, особенно наследственная монархия, как власть построена исключительно на принципе бытия. Представим себе молодого, еще бездетного монарха. Наследником престола в случае его неожиданной смерти является его младший брат. Этот юноша, молодой, но уже взрослый человек, выказывает, предположим, недюжинный ум, большие способности. Возможно, имеет уже заслуги перед отечеством как воин. И все же — у четы монархов рождается сын, и этот младенец становится наследником престола, хотя никто не знает, какой человек из него выйдет, а заслуг перед отечеством он, конечно, лично еще никаких иметь не мог. В наследственной монархии строго распределено, кто за кем наследует престол в случае ранней смерти наследников: более близкие по родству к царствующему монарху. И список этот составлен исключительно по принципу бытия, по принципу родства, а не по заслугам того или иного члена королевской семьи. Когда королева Виктория, в той же Англии, вступила на престол, она была молодой девушкой, и уж, конечно, некоторые другие родственники ее только что скончавшегося дедушки имели больше заслуг перед страной, чем эта девушка, просто не успевшая еще ничего сделать для своего отечества; тем не менее престол был отдан ей.

На первый взгляд это кажется несправедливым и даже неразумным. Был Борис Годунов убийцей царевича Димитрия или нет, об этом мы достоверно не знаем. Но если вдуматься в тогдашнее положение Руси, то можно понять озабоченность умного и опытного правителя, перед глазами которого ввиду слабого здоровья царя Федора, возникала возможность перехода престола в руки эпилептического ребенка и, тем самым, почти наверное в руки неумных и жадных Нагих, его родственников по матери. Даже без большого личного честолюбия могло возникнуть искушение убрать этого ребенка с дороги ради пользы государства и всего народа. И только очень глубокая вера в Бога как вершителя всех судеб че-

ловческих могла помочь преодолеть все самые умные земные расчеты и сказать себе, что Господь имел же что-то в виду, давая царю этого ребенка незадолго до смерти отца. Только смирение перед Божией волей, непонятной и в чисто земном аспекте даже кажущейся неразумной, но безусловно мудрой, могло помочь преодолеть это искушение. Или скажем иначе: для этого нужно большое доверие к Богу. Этого-то доверия к Богу особенно часто не хватает даже искренне верующим людям. Тогда, как по всем земным расчетам кажется безумием доверять государство ребенку, — доверие к Богу подсказывает, что Он не мог сделать нелепости и что рождение этого ребенка и его существование, его бытие само по себе имеет какой-то тайный, для нас пока еще неясный смысл. Но этот смысл есть.

Вот мы и подошли к центральному пункту наших рассуждений. Порядок бытия коренится в самой глубине Божией сущности. Когда Моисей на горе Хорива спросил Бога об Его имени, Он ответил, что Он — Сущий или, в буквальном переводе, «Я есмь Тот, Кто Я есмь». Бог — это Тот, Кто есть, это Сущий, это само Бытие. И принцип бытия может быть принимаем только из Его рук. Если Он поставил того или иного человека в самом его бытии, в силу его рождения в той или иной семье, на то или иное место, то это должно иметь смысл, о котором мы часто пока и не догадываемся. Но смысл есть. Значит ли это, что согласно принципу бытия человек не должен менять то сословие, в котором он родился? Мы этого не думаем. Мы думаем, что даже отказ старшего сына монарха от престола в пользу, скажем, младшего брата не всегда означает бегство или предательство того жизненного задания, которое дал Бог. Но принцип бытия требует от нас, чтобы мы рассматривали факт нашего рождения в той или иной семье со всеми данными не как случай, счастливый или несчастный, не как несправедливость, а как смысл и жизненное задание.

Если мы в свете рассмотренного вернемся к власти, то мы видим, что здесь противоречие между несовершенством каждого человека, каждого властителя или властителей и произвольным желанием народа быть управляемым совершенной властью решается в свете принятия Божией воли, неисповедимых путей Божиих, пославших данному народу, именно в это время такого, а не иного монарха. Человек подчиняется не столь другому человеку, как абсолютно-му и всеведущему Богу.

Другая форма власти — это в наши дни демократия, т. е. выборный парламентски-представительный строй. Никто не будет

всерьез утверждать, что правители этого строя — совершенны. Однако этот строй покоится исключительно на принципе заслуг. В принципе в парламент и правительство выбираются те люди, которые либо уже имеют большие заслуги перед народом и государством, либо те, от которых эти заслуги ожидаются. Если они за время легистратурного периода не оправдали возложенных на них надежд, то следующие выборы они проигрывают. Кто же выносит решение относительно заслуг тех или иных кандидатов и по каким критериям? Выносит, как известно, суверенный народ, т. е. большинство народа. А вот критерии выбора — это дело темное. У каждого избирателя свой критерий. Одни изучают добросовестно программы партий и кандидатов, веря в то, что они эти программы в самом деле постараются выполнить, если придут к власти; другие больше полагаются на то впечатление, которое на них производит лицо главного кандидата; третьи старательно изучают его биографию, но очень многие выбирают просто по традиции ту или иную партию, или же, увлекшись ловкой демагогией, голосуют за наиболее удачного оратора. Мы совсем не хотим иронизировать над демократией, но мы думаем, что выявление действительных заслуг и справедливое распределение постов по заслугам — дело трудное. Слишком часто ясно видно, что не лучшие люди, даже не самые умные политики оказываются избранными. Тем не менее, граждане государства подчиняются сознательной или случайной воле большинства. Большинство народа — это тот высший принцип, который стоит за несовершенством отдельных правителей. Это не значит, что большинство всегда право. Мы знаем, что очень часто право меньшинство или даже один человек, несмотря на то, что его мнение отличается от всех других. Большинство не гарантирует ни истинности, ни даже просто деловой правильности данной политики. Тем не менее, люди договорились подчиниться воле большинства и в том случае, когда по убеждению меньшинства решение, принятое большинством, ведет в пропасть. Однако в практической жизни большинство, т. е. некоторое арифметическое среднее всего населения, редко голосует за крайности. Это бывает только в кризисных ситуациях. В нормальное же время при демократическом строе к власти приходят средние люди, соответствующие среднему уровню большинства, более или менее способные, и обеспечивают нормальное существование страны и народа.

Если большинство не фетишизируется, то меньшинство имеет достаточно свободы строить свою личную жизнь иначе, чем

большинство. Не следует только забывать, что большинство не может гарантировать ни истины, ни даже просто правильности того пути, по которому правительство ведет страну, но если допустить мысль, что большинство народа хотя бы приблизительно учитывает заслуги кандидатов, которых оно выбирает, то принцип заслуг соблюден, а правительство имеет некий «высший принцип», который покрывает неизбежное несовершенство людей. Оно всегда может сослаться на то, что большинство народа хотело или даже еще хочет именно такого развития, хотя на самом деле большинство редко бывает в состоянии предвидеть хотя бы на очень недалекое время вперед, куда это развитие приведет, поэтому оно на самом деле просто не может его хотеть, так как не знает его. Верующий человек имеет все основания доверять мудрости Господа, даже если он сам не понимает, почему Бог ведет его лично или его народ такими путями. Но нет никакого основания доверять мудрости большинства.

Мы хотим повторить еще раз: в спокойные и не слишком опасные времена практические результаты демократического образа правления создают свободную и, большей частью, в основном довольно зажиточную жизнь для граждан страны, так как инстинкт среднего человека подсказывает ему нормальный средний путь, которому и следует правительство и парламент, жаждущие быть переизбранными на следующих выборах. Как уже сто лет тому назад отметил Алексис Токвиль в своей знаменитой книге «Демократия в Америке», при принципе большинства чрезвычайно важна защита меньшинств от популистских изгибов этого большинства. Итак, мы мало что можем возразить против практических результатов демократии для рядовых граждан. Мы предпочитаем демократию многим другим системам. Но ее высший принцип неубедителен. Власть, которая по самому своему существу и происхождению исходит от Бога, в демократии секуляризирована в самом своем принципе и тем самым релятивирована. Но поскольку Абсолютное заложено в душе человека, он время от времени начинает возмущаться против полной релятивности самого принципа власти, пробует абсолютировать принцип большинства, — как это сейчас имеет место во многих левых кругах европейской молодежи, — и тем самым пытается сделать демократию невыносимой, поскольку абсолютирование относительного всегда невыносимо.

Третья форма современной власти, диктатура, не имеет никакого высшего принципа, который примирял бы неизбежное несовершенство правителя со стремлением народа быть управляемым совершенной

властью. Диктатор вынужден объявить сам себя совершенным и безошибочным или по меньшей мере самым лучшим и способным правителем. При существовании свободной прессы трудно поддерживать эту легенду, поэтому всякий диктатор вынужден ограничивать или даже совсем подавлять свободу, особенно свободу прессы.

Кроме того, диктатор не имеет законного наследника. Франко, один из самых умеренных и умных диктаторов нашего времени, понял это и восстановил монархию, причем даже наследную монархию. Таким образом, нормально диктатура, которая возникает при особых положениях в кризисные моменты страны, ликвидирует сама себя самое позднее после смерти первого диктатора. Периоды диктатуры в моменты внешней угрозы для страны или в моменты внутренних кризисов знала еще римская республика.

Но 20-й век «подарил» нам новую форму диктатуры, идеологическую диктатуру. Единственной устойчивой диктатурой этого типа оказалась пока коммунистическая диктатура. Принцип, легитимирующий ее власть, представляет собой очень странную, но довольно устойчивую смесь между претензией чисто рационалистически, «научно» объяснить ход истории и странной, своеобразной атеистической мистикой. Абсолютно безошибочными в этой концепции являются некоторые умершие люди, в первую очередь Маркс и для советского коммунизма Ленин. Никто и нигде не пытается рационально обосновать, почему эти люди безошибочны, да и обосновать этого нельзя, но странным образом для многих, даже казалось бы интеллигентных людей, совершенно достаточно того, что претензия безошибочности высказана их учениками и последователями. Так один немецкий студент богословия в разговоре со мной воскликнул: «Вы можете критиковать советский марксизм, но вы же не можете критиковать Маркса!» На мой вопрос: «Почему?» он не нашел ответа. Так даже в свободном мире возможно это странное иррациональное убеждение, что некий человек может быть безошибочным и совершенным как божество, которого даже нельзя критиковать.

В свое время А. Богданов (Малиновский), критикуя книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», отмечал, что в ней есть сотни цитат из произведений Маркса и Энгельса, но нет даже попытки поставить какое-либо высказывание этих авторов под вопрос. Богданов считал, что Ленин обладает верующим сознанием, то есть является человеком, которому необходима вера в абсолютный и совершенно безошибочный авторитет. Таким стал для него

человек Маркс после того как он отверг веру в Бога. Но теперь сам Ленин возведен в некое божество. Устроено поклонение его набальзамированному труп, и его произведения цитируются как «священное писание», которое не только никакой критике, но даже никакому сомнению подвергаться не может. Но не только в Сов. Союзе дети распевают песенки, где текст указывает на какое-то чуть ли не мистическое присутствие Ленина, который следит за тем, хорошо ли в коммунистическом смысле ведет себя ребенок, но и вне официального советского марксизма можно встретить мистификацию Ленина. Так старый, живший в изгнании, Троцкий писал в своем дневнике, что ему иногда во сне является Ленин и подтверждает, что он, Троцкий, а не Сталин находится на правильном пути. Троцкий признается, что посещения его во сне Лениным были для него большим утешением. И это пишет воинствующий атеист!

Так к ничем необоснованному утверждению о научности марксизма присоединяется мистификация покойных учителей марксизма. Преемственность власти решается практически путем жестокой борьбы за власть внутри диктаторского руководства, но победивший облачается в тогу «чистых марксистских риз» и, как самозванец в драме Пушкина, как бы говорит: тени Маркса и Ленина меня усыновили, вождем из гроба нарекли. Высшим принципом таких идеологических диктатур, как бы легитимирующих их власть, является миф научности и миф безошибочности их «отцов церкви». Но в каждом народе может существовать только небольшое число, преимущественно интеллектуалов, которые могут поверить в безошибочность Маркса и Ленина. У широкой массы народа слишком много здравого смысла для того, чтобы верить в такую чепуху. Поэтому, несмотря на легитимацию со стороны «великих теней» идеологические диктатуры нуждаются в более или менее тотальном терроре для удержания власти.

Мы рассмотрели духовные основы и, так сказать, легитимацию различных родов власти. Читатель уже, может быть, заметил, что мы сами склоняемся к той власти, которая как бы непосредственно исходит от Бога и так же непосредственно перед ним ответственна, то есть к монархии. Но мы считаем, что настоящая монархия, такая, которая не будет иметь склонности переходить в диктатуру идеологического монархизма, возможна только, если в народе широко и глубоко укоренена вера в Бога и в Помазанника Божия. Если этого нет, истинная монархия, по нашему мнению, невозможна. В этом случае мы считаем демократию наиболее приемлемым об-

разом власти. Но и в том случае, если в народе имеется та вера, о которой мы говорили, мы в наше время считали бы нужным дополнить и ограничить монархию выборным органом, как бы он ни назывался. Монарх не должен быть только репрезентативным представителем страны, без тени власти, как это имеет место, например, в Швеции. Но абсолютная и ничем не ограниченная монархия вряд ли может считаться правильной в наши дни.

О СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

Как мы не могли в одной короткой статье разбирать все аспекты власти, так мы не можем разбирать все аспекты структуры общества. Опять-таки попробуем рассмотреть только один из аспектов.

Наше время, как кажется, время идеологий. Каждую идею люди стремятся превратить в идеологию, то есть взять эту идею в ее тотальности и как бы перекрыть ею все другие аспекты общественной жизни. Идея абсолютируется, ей стараются подчинить все проявления жизни общества. Между тем абсолютирование какого-либо элемента жизни общества, даже ценного и положительного, превращает его в его противоположность, убивает его. Так абсолютирование элемента социальности в обществе, превращение ее в тоталитарную систему социализма убивает социальность. В социализме нет ни капли социальности, потому что в социализме широкие массы народа угнетены монополией, будь то партии, будь то государства или профсоюзов, а монополиям нет надобности соблюдать социальность.

Н. Полторацкий писал, что «изм», внесенный в политику, ведет неизбежно к тоталитаризму. Мы с этим согласны, но добавим еще, что «изм» убивает соответствующую ему «нось». Социализм убивает социальность, гуманизм убивает гуманность (тем, что ставит человека на место Бога, а без Бога и веры в Него нет гуманности), солидаризм убивает солидарность и т. д. Но «измов» больше, чем «ностей», и они убивают все настоящие ценности, независимо от того, как образуются слова, их обозначающие. Монархизм убивает монархию, демократизм — демократию, католицизм — католичество, папизм — папство (о чем в свое время писал еще Владимир Соловьев). Вместо живых образований и структур общества «изм» пытается навязать людям мертвую идеологию и сделать эту идеологию всеобъемлющей, определяющей всю жизнь общества и даже частную жизнь людей. И человек в таком обществе начинает задыхаться.

В наше время все больше теряется культура языка. Люди говорят и пишут как попало, не различая понятий. Многие не понимают, что «социалистический» и «социальный» — это не только не синонимы, но, наоборот, противоположности. Есть люди, которые думают, что если в стране проведены социальные реформы, то там господствует социализм. Но на самом деле, чем, так сказать, больше социализма, тем меньше социальности. Социализм убивает социальность. Постоянно встречаешь неумение прочесть то, что действительно написано и мнение, что, мол, это безразлично, какое слово употребить, важно то, что человек под этим подразумевает. Но дело не только в том, что другой не знает, что именно говорящий и пишущий подразумевал, он читает то, что написано, слышит то, что сказано и в соответствии с этим делает свои выводы. Дело не только в этом. Понятия, особенно же тотальные, очень быстро получают какую-то свою, особую жизнь. Даже если многие из приверженцев социализма под словом «социализм» понимали «социальность», они в ходе проведения в жизнь социализма смогут убедиться в том, что последний ничего общего с социальностью не имеет и по мере его углубления эту социальность все основательнее убивает. Эти легкомысленные сторонники «социализма» станут тогда перед альтернативой или восстать и погибнуть, так как всякое тоталитарное государство непримиримо, или же приспособиться и впредь принимать желаемое за данное. История показывает, что большинство приспособливается.

Общество, в котором человек мог бы жить не задыхаясь, не может быть построено по одному гомогенному принципу. В этом случае оно непременно станет тоталитарным. Один немецкий левый студент сказал мне как-то, что вот власть в Западной Германии, правда, построена по демократическому, выборному принципу, но хозяйство по принципу авторитарному: владелец предприятия, его директора решают, что предпринять и как действовать, а не большинство занятых на этом предприятии рабочих. Такая структура общества нелогична, поэтому все общество надо демократизировать, то есть вместо демократии ввести демократизм.

Но вся жизнь в каком-то смысле нелогична. Попытка привести жизнь к прямолинейному логическому знаменателю ее бы погубила уже потому, что рациональный элемент занимает в жизни человека только ее часть, но не заполняет ее всю. В своей страшной, но совершенно гениальной книге «Записки из подполья» Достоевский горячо восставал против рационалистического «хрустального дворца», потому что че-

ловек — не клавиша, а живое и в значительной степени иррациональное существо.

Демократизация производства привела бы к его разрушению просто потому, что в данном случае авторитарный принцип совершенно неизбежен. Так же, как нельзя демократизировать, скажем, больницы и предоставить диагноз и способ лечения решению большинства, состоящего не только из врачей, но и из сестер, санитаров и уборщиц. Между тем, последовательные демократизаторы общества всерьез говорили именно о такой демократизации больниц. Еще настойчивее они хотели демократизировать высшие учебные заведения, где отметки кончающим и сдающим государственный экзамен должны были по их модели ставить комиссии, в которых профессора и доценты составляли бы меньшинство, а большинством были бы студенты, в том числе и первокурсники. Лишь начинающие учиться должны были бы оценивать объем знаний тех, кто уже кончал, проучившись минимум 5 лет! И на таком абсурде известные круги настаивали всерьез.

Общество не может быть построено по одному какому-нибудь принципу. Оно должно содержать в себе разные принципы. Различные его структуры должны быть построены в соответствии необходимости по разным принципам, наиболее адекватным той или иной структуре.

Если мы вернемся к самому началу нашей статьи и к двум основным принципам, именно принципу бытия и принципу заслуг, то мы отметим, что, скажем, в наследственных монархиях и так же в аристократиях, где признается принцип бытия, всегда так же признается и принцип заслуг. Даже в абсолютной монархии с сословной структурой, то есть привилегиями аристократии, всегда принимались заслуги или способности (то есть ожидание будущих заслуг) во внимание при назначении человека на ту или иную должность, при поручении ему того или иного задания. Принцип заслуг дополнял принцип бытия.

Но постепенно люди стали видеть в этом противоречие. Построить общество по гомогенному и простому одному принципу всегда было прельстительно. Попытка Фридриха Великого ввести и для монархии нечто вроде рационального принципа заслуг, указание на то, что монарх, мол, — первый механик в механизме государства, губило монархию. В самом деле, в этом случае непонятно, почему старший сын царствующего монарха должен стать этим самым «первым механиком». Не поискать ли его среди обыкновенных людей? Монархия держится только чистым принципом бытия, верою в Помазанника Божия и доверяем к Богу.

Наши демократические общества построены на принципе заслуг. При этом общественное сознание в наше время все в большей степени отталкивается от принципа бытия, воспринимая его как несправедливость, не соглашаясь даже на то, чтобы принцип заслуг, будучи превалирующим, все же был дополнен принципом бытия. Ярким выражением этого стремления все построить по принципу заслуг является лозунг «равенство шансов», который в Западной Германии все партии написали на своих знаменах. Он гласит, что не все люди могут быть равны, не все могут занимать одинаковые должности, исполнять ту же работу, быть одинаково оплачиваемы, — это невозможно. Но каждый ребенок должен вне зависимости от того, в какой семье и в каком слое общества он родился, получить одинаковые шансы для образования и карьеры, если он покажет соответствующие способности и прилежание.

Этот принцип кажется справедливым. Но полностью он в жизни проведен быть не может, или же сначала надо уравнивать все слои, все отдельные семьи. Каждый ре-

бенок получает от своих родителей не только известные задатки по наследству, но окружение, воспитание, ту или другую степень культурности и стремления к образованию или его отсутствие, а они тоже влияют на ребенка. Конечно, ребенок может преодолеть все эти препятствия, в наше время это даже не очень трудно, — но все же полного равенства шансов нет уже в корне. Если бы даже удалось такое равенство шансов установить, то всегда останется неравенство способностей, талантов, задатков характера. То есть принцип бытия в его чистом виде будет продолжать действовать. А современные ученые все больше склоняются к мнению, что прирожденные задатки в более сильной степени, чем среда определяют жизненный путь человека.

Было бы хорошо, если бы люди постарались понять сложность как самого человека, так и его общества и перестали бы искать простых и односложных решений, которые всегда ведут к тоталитаризму и делают жизнь не более легкой, а более тяжелой и страшной.

ИОСИФ МАЦКЕВИЧ

Не было пустых патронташей *)

В майском номере парижского журнала «Культура» в статью, озаглавленную «История восьмидесятилетия» о книге украинского писателя Ивана Кедрина, ее автор, Юзеф Лободовский, включил — не впервые — следующие фразы:

«Могла ли Польша (в 1920 году) продолжить, после битвы над Неманом, войну с Советами? Да, могла, но только в случае получения достаточной помощи от Запада... Победоносная армия нуждалась во всем — в обуви, белье, теплой одежде и, прежде всего, в амуниции. В некоторых воинских частях патронташи солдат были почти пусты... Поэтому о продолжении войны в этих условиях не могло быть и речи».

Понимаю, что легенды на то и существуют, чтобы их повторять, в том числе и самую популярную — переложение вины за все на «неразумный» Запад. Они, однако, не должны становиться источником серьезных исторических трудов. Их основой должны быть верные факты. Однако в данном случае исторические факты не только не совпадают со словами Лободов-

ского, но прямо им противоположны.

Прежде всего, верная оценка боевой силы одной из воюющих сторон исходит из ее сравнения с боевой силой противника. Польская армия в Варшавском и Неманском сражениях 1920 года была, естественно, далека от превосходства, если речь идет об ее снабжении, но, несмотря на все препятствия, чинившиеся нам многими западными факторами — Чехословакией и Германией; Гендерсоном и Бевином в Англии: «Hands of Russia!» и т. п. (все это — хорошо известные исторические факты). Польше удалось получить от Запада значительные материальные средства, особенно оружие и амуницию. В августе 1920 года Польша не только снабжением, но и числом вооруженных солдат, доходившим до 900 тысяч, превышала вооруженную силу наступавших большевиков. «Чудо над Вислой» даже приблизительно не было, конечно, чудом.

Польский историк Побуг-Малиновский подробно описал огневую преграду в треугольнике Варшава—Модлин—Загрже, организованную ген. Сосновским в двух оборонительных линиях. Он, между прочим, перечислил 36 новосформированных полевых батарей, 24 новые тяжелые батареи, 13 конных батарей, 200 дополнительных

*) «Исторические тетради», издание польского журнала «Культура», Париж, август 1977 г., № 41. Пер. с польского С. Войцеховского.

орудий и тысячи пулеметов. На основании собственных, скромнейших наблюдений с седла рядового улана, помню как после нашего июльского поражения и участия в трагическом отступлении, в составе тыловых частей, оборонявших наши отступавшие войска от наступающего от берегов Двины большевицкого 3-го конного корпуса Гая, мы, достигнув Варшавы, пережили на Мокотовском поле подлинную метаморфозу. Мы получили новые, словно только что сшитые блузы, английские шинели, французские брюки с каким-то красным кантом, пояса, патронташи, американские одеяла, новые седла, английские карабины и амуницию по горло! Получили новых коней (как говорили, благодаря американской демобилизации). Дошло до того, что эскадроны смогли получить коней одинаковой масти. Так, например, наш 1-й — каштановой и гнедой; 2-й — карей и т. д., а это, в ту войну, было немалой роскошью. Только саблю каждый улан сохранил свою. Я это описал в повести, озаглавленной «Lewa wolna». В ней, однако, я не назвал полк. Им был переформированный из добровольческого 211-й уланский полк, ставший после войны 23-м уланским полком. Впрочем, его командиром остался Ежи Домбровский. Нашей задачей был не прорыв неприятельского фронта, а действия на его фланге для защиты тыла 5-й армии Сикорского от 4-й большевицкой армии и ее 3-го конного корпуса. Мы рассуждали между собой, что если наш полк так экипирован для выполнения второстепенного задания, то, тем более, должны быть снабжены полки, призванные нанести противнику удары. Так и было в действительности.

Под Варшавой большевики были разбиты в дребезги. На эту тему существует обильная литература, как специальная, так и мемуарная. Естественно — как это случается — пишущие не любят уменьшать значение собственной роли и, поэтому, существует немало воспоминаний о более поздних столкновениях и даже о кровопролитных битвах при отступлении большевиков от Варшавы. Несомненно — как случается на войне — отдельные столкновения бывали. Однако, как правило, надо признать массовое бегство дезорганизованного противника. С нашей стороны сохранилась в зрительной памяти погоня за рассыпавшимся врагом, точнее — погоня за беспорядочными бандами, при незначительных собственных потерях и незначительном употреблении амуниции. Можно даже, ничем не рискуя, утверждать, что при этой погоне материальные запасы польской армии не сокращались, а увеличивались за счет массы брошенного большевиками снаряжения, оружия и амуниции.

Невозможно сразу пересказать всю эту обильную литературу. Позволю себе, однако, привести цитаты, почерпнутые из одной из последних книг на эту тему, изданной в Лондоне в 1969 году, а именно из книги Тадеуша Махальского, бывшего командира 26-го уланского полка, озаглавленной «Последняя эпопея. Действия конницы в 1920 году». В этом, превосходно сконденсированном отчете можно найти подробные страницы, посвященные сражению над Неманом, разыгравшимся не позже, чем через месяц после Варшавской битвы. Вот несколько примеров военных действий того времени:

«Уланам (2-й кав. бригады после ее переправы через Неман вблизи Друскеник) достались два стоявших под паром железнодорожных состава, многочисленных пленные, много оружия и снаряжения и, прежде всего, значительное количество амуниции» (стр. 192).

«Другое задание состояло в перерыве связи противника... Одно появление нашей кавалерии к северу от Лиды вызвало такое впечатление, что привело к нарушению всей советской обороны вдоль Немана... Линия Немана пала внезапно, как от прикосновения волшебной палочки» (стр. 199).

А вот цитаты из «Погони к северу от Полесья»:

«16-й уланский полк, захватив под Околовичами неприятельские батареи... и изменив направление орудий, покрыл огнем отступавших большевиков, обстреливая их собственной их амуницией» (стр. 204).

«Вонжик, Чехи, Студенец... противник был отброшен по всей линии, оставив в наших руках огромные обозы и около 1 600 пленных» (стр. 214).

О действиях на юге против знаменитой советской Конной армии можно упомянуть следующие отрывки:

«15-го сентября Конная армия Буденного, беспорядочно отступая, уходила за Стырь. Кони едва волочили ноги. Снаряжение, обмундирование и весь вид взятых в плен красноармейцев были плачевными. Ясно было, что Конная армия — на краю полной гибели. Целые эскадроны переходили на нашу сторону» (стр. 224).

17-го сентября 14-я советская кавалерийская дивизия перестала существовать. «Все остальные дивизии Конной армии были на краю гибели. Случались бунты и покушения на комиссаров. На шоссе из Луцка в Ровно, собственно говоря, не было больше ничего» (стр. 225)

«Пленные единодушно сообщали на допросах, что дивизии Буденного насчитывают не более нескольких сот коней. Что же касается большевицкой пехоты, она оказа-

лась неспособной к продолжению борьбы и к какому-либо сопротивлению. 24-я и 44-я советские пехотные дивизии состояли, собственно говоря, из одиноких групп, скрывавшихся в лесах» (стр. 226).

«Прямо говоря, не с кем было больше воевать... Если бы наши 3-я и 6-я армии двинулись вперед за конницей для овладения всей правобережной Украины... Никто не мог остаться на месте, каждый стремился вторично воткнуть в берег Днепра свои пики с их флажками... Такое намерение, однако, не существовало, а переговоры о перемирии уже велись» (стр. 228).

О последних военных действиях Махальский отметил:

«Дальнейшее продвижение нашей 2-й кавалерийской дивизии было скорее конвоированием пленных, чем наступлением боевой части... 9-я кавалерийская бригада захватила в районе Билка—Шушки 30 пулеметов, а число взятых в плен превышало численность ее собственного состава» (стр. 245).

Однако, «в полдень присланный из Луцка летчик приземлился на поле рядом со штабом корпуса и привез известие, что 14-го октября будет заключено перемирие и что все части корпуса должны безусловно отойти за Случ... А наша кавалерия, размахнувшись, вторично бы достигла Двины и Днепра, не будь приказа, остановившего ее на месте» (стр. 245).

Недавно скончавшийся в Канаде ген. Ежи Гробицкий отметил следующий необыкновенный случай под Коростенем. Из его сообщения следует, что большевикам с усилием отчаяния удалось еще раз собрать остатки своей Конной армии. Выдвинутый вперед слабый польский отряд замер от удивления:

«Освещенные солнцем, сверкали сабли и острия копий... И вдруг случилось то, чего никто не ожидал. Эта кавалерия после нескольких шагов в нашем направлении демонстративно повернула обратно и, свернувшись в маршевые колонны, стала исчезать. Никто не понимал, что это значит... Конная армия была отозвана с польского фронта на Украине на Крымский фронт против Врангеля» (цитата из книги Махальского, стр. 232).

Утверждению Лободовского, что нам не хватало «всего», обуви и амуниции, а солдаты имели «пустые патронташи», противоречит, прежде всего, известная речь Пилсудского, сказанная в Вильне 24-го апреля 1923 года, в которой он заявил:

«Большевицкая армия была тогда так вдребезги разбита по всей линии фронта, что ничто не мешало мне продвинуться так далеко, как я бы захотел. Удержало меня отсутствие моральной силы в народе».

Следовательно, как видно, он, говоря о своем решении, сослался на точнее им не объясненный моральный облик народа, а не на какие-либо материальные нехватки и пустые патронташи...

**
*

Действительная причина заключенного 12-го октября 1920 года внезапного перемирия с большевиками в общем известна. Так же как годом раньше, в 1919 году, вследствие тайного соглашения с Лениным в Беловежи и заключенного затем представителем Пилсудского, капитаном Бернером, соглашения с Мархлевским в Микушевичах о временном прекращении военных действий, дабы не допустить победы войск Деникина, так и в октябре 1920 года причиной было желание не допустить окончательного разгрома большевиков русскими контрреволюционными войсками Врангеля.

Численный состав этих войск был велик, но, вследствие участия всех большевицких сил в походе на Варшаву и понесенного большевиками большого поражения, Врангель стал для большевицкой революции опасностью первой степени. Это доказывают многочисленные документы о положении на Крымском фронте. Может быть, наиболее ярко свидетельствует об этом речь Ленина, произнесенная в эти дни в Москве на съезде рабочих и служащих кожевенной промышленности, которую не стану в этой статье цитировать. Доказывает это и воззвание Ленина от 2-го октября 1920 года («Товарищи! Все как один встаньте на защиту против Врангеля! Все на помощь Красной армии для победы над Врангелем! Опасность велика!»). Впрочем, косвенно это доказывают и более ранние, тайные, тревожные телеграммы Сталину, посланные Лениным еще до окончательной катастрофы в Польше, особенно телеграммы от 4-го и 11-го августа.

В изданном несколькими годами позже эмигрантском «Архиве Русской Революции» можно найти документы и рассказы о том, до какого полного разгрома была доведена Красная армия после сражения над Неманом. Только перемирие на польском фронте позволило большевикам собрать остатки их разбитых войск, сконцентрировать остатки материальных сил, чтобы бросить против Врангеля все, что у них еще осталось.

Прекращение наступления польских войск было, следовательно, решением, вызванным политическими соображениями, а не «пустыми патронташами». Пилсудский считал «революционную Россию» бо-

лее слабой, чем Россию контрреволюционную, и, следовательно, «меньшим злом» и боялся восстановления России царской. На эту тему также существует обильная литература и связанная с ней полемика. Одни утверждают, что это было решением, соответствующим интересам польского народа и потому правильным. Другие, вероятно меньшинство, к которому принадлежу и я, — что это было решением неправильным. Это, однако, страница истории, которую я не намерен здесь развертывать, как не намерен и начинать полемические прения. В данном случае, значение имеет только точность исторических фактов.

Позволю себе, в скобках, обратить внимание на то, что в нашей историко-публицистической литературе существует не лучший обычай отношения к так называемым «голым фактам», если они не совпа-

дают с установленной легендой. Вместо критической проверки сообщенных фактов автору приписывают то, что он «упрекает», «обвиняет», «осуждает», «чернит» и т. д., а это автоматически переносит объективно установленную истину с уровня исторической фактологии на уровень эмоциональной полемики.

Нельзя назвать правильным такой подход к исторической истине. Особенно в отношении такой ключевой для всего мира проблемы как господство коммунизма в разных странах земного шара. Тем более надо учесть, что со времени тех далеких лет так называемые «реальные» интересы, или мнения правительств об этих реальных интересах народов не раз влияли и продолжают влиять на решения спасти коммунистические режимы или препятствовать их гибели.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

Пакт между „Континентом“ и „Культурой“

О «Заявлении по украинскому вопросу», которое появилось в № 12 журнала «Континент», я писал коротко в прошлом выпуске «Голоса Зарубежья». Вижу, однако, что к этой теме следует вернуться, хотя историческим документом это «Заявление», конечно, никогда не будет. Но занозой будущих русско-польских отношений оно может стать. И об этом нельзя не пожалеть.

Историческое значение имели — к несчастью и для России и для Польши — как тайное Беловежское соглашение между Пилсудским и Лениным в 1919 г. — о временном прекращении военных действий, чтобы не допустить победы войск Деникина, — так и внезапное перемирие между поляками и большевиками от 12 октября 1920 г., оказавшее роковое влияние на судьбу Белой армии Врангеля. Правда, нельзя ставить на одну доску с «пактами», заключенными в свое время между Пилсудским и большевиками, пресловутый «пакт» между зарубежными журналами «Культурой» и «Континентом». Но нечто общее между всеми этими «пактами» есть: это — стремление не допустить возвращения **многонациональной Российской Империи**.

Для Русского Зарубежья важно, что «Континент», скатившийся по скользкой наклонной плоскости наименьшего сопротивления, пошел на то, чтобы подменить борьбу против интернационального и интернационалистического коммунизма ставкой на **расчленение России** как на путь

преодоления коммунистической диктатуры посредством распада России на составляющие ее отдельные самостоятельные «нации». Наивно или даже двусмысленно выглядит при этом ссылка на **«гарантированное Советской Конституцией право»** этих наций на отделение, на выход из состава СССР. Лет двадцать тому назад один видный вождь украинских «самостийников» даже прямо заявил своему русскому собеседнику: «Мы стремимся к отделению от СССР как суверенная и независимая держава, а что будет с русскими — нас не интересует, это их дело»... Не интересует это, по-видимому и польского контрагента «Континента» — журнал «Культура». Признавая за ним **безусловное право** высказывать **свои** взгляды, как точку зрения широких кругов польской общественности, я не знаю, **правомочен** ли он говорить и, тем более, заключать какие-либо «пакты» от имени Польши и польского народа. Журнал «Континент» делать это от имени России и русского народа явно **не правомочен**.

Напомню, что еще в № 4 «Континента» была помещена статья известного польского журналиста, очень близкого к журналу «Культура» — Юлиуша Мирошевского — под знаменательным заглавием: «Российский „польский комплекс” и территория УЛБ» — т. е. Украины, Литвы и Белоруссии. В свое время я ответил на эту статью на страницах «Русской мысли» и повторяться не буду. Скажу только, что по словам Мирошевского **многие** поляки

мечтают и сегодня не только о Львове и Вильно, но даже и о польском Минске и Киеве: «Многие считают идеалом **независимую Польшу, связанную федеральными узами с Литвой, Украиной и Белоруссией!**

Спрашивается только, не была ли бы такая федерация, поскольку в состав Польши входят также и бывшие восточные провинции Германии, своего рода вариацией вековой мечты польских «империалистов» о Речи Посполитой «от моря до моря»? Для Мирошевского «Россия — империалистическая страна, ибо всегда была империалистической». С другой же стороны, «альтернативой российского империализма может быть только польский империализм — так, как это было всегда». Но, Польша, по мнению Мирошевского, проиграла войну. Рухнула традиционная концепция Польши как «бастиона западной культуры». **Фундаментом польской политики стал союз с СССР**, т. е. «сознательный отказ от позиции соперника и принятие роли вассала». В России другой строй, но она «по-прежнему непобедимая империя... Как и цари, — Сталин, Литвинов и Брежнев считали и считают, что на территории **Украины, Литвы и Белоруссии** могут господствовать либо поляки, либо русские. **Третьего исторического выхода нет — есть лишь выбор между польским и русским империализмом.**

В этих последних словах ярко сказывается искажение польским публицистом исторической перспективы. Не будем спорить о том, что считали цари (Историческая Россия) и что считали и считают Сталин, Литвинов и Брежнев. Впервые за всю свою тысячелетнюю историю Россия, став **большевицкой и коммунистической**, утратив свое историческое лицо и имя, «выступает — по словам авторитетного английского историка Арнольда Тойнби — как агрессивная, нападающая сторона, а не как страна, отражающая наносимые ей извне удары».

Не Россия, а коммунизм реально угрожает Западу!

А Мирошевский говорит о том, что фундаментом польской политики стал союз с СССР, «сознательный отказ от позиции соперника и принятие роли вассала»... В то же время польский публицист требует для **Украины (и Белоруссии)**, как реальных государственных образований, права на отделение от России. «Заявление по украинскому вопросу», этот своего рода «пакт» между польским журналом «Культура» и безродным «правозащитным» журналом «Континент», идет еще дальше, беря на себя — выражаясь мягко — смелость призывать «русских участников правозащитного движения в СССР и русскую политическую эмиграцию (подчеркнуто мной.

— А. М.) укреплять и углублять сотрудничество с борцами за независимость Украины!»

Русскую политическую эмиграцию приглашали делать ставку на непереносимое полное отделение не великороссийских народов. Ни первая, ни вторая эмиграция на это не пошла. Такую сомнительную «честь» берет на себя — правда, довольно ничтожная — часть так называемой «третьей волны» эмиграции.

Но именно этой части «третьей волны» русской эмиграции (точнее — эмиграции из СССР) хотелось бы напомнить слова знаменитого пражского слависта, проф. Нидерде, который еще в 1909 г. в своей переведенной и на французский язык книге «Обзорное современное славянство» писал о малороссах и великороссах, у которых, по его мнению, «столь много общих черт в истории, традиции, вере, языке и культуре, не говоря уже об общем происхождении, что, с точки зрения стороннего и беспристрастного наблюдателя, это — только две части одного великого русского народа».

Написаны эти слова австрийцем, в годы австро-венгерской — отнюдь не руссофильской — монархии. Но написаны беспристрастным и добросовестным ученым. Другой знаменитый австрийский ученый, венский славист академик Ягич в 1915 г. (во время войны Австро-Венгрии с Россией) утверждал: «В Галиции, Буковине, Прикарпатской Руси... все украинское движение представляет собой чужеродное растение, продукт подражания, занесенный извне»...

Украинский сепаратист, Сриблянский, писал в 1911 г.: «Украинское движение не может основываться на соотношении общественных сил, а лишь на своем моральном праве; если оно будет прислушиваться к большинству голосов, то должно будет закрыть лавочку: **большинство против него.**

Свободного народного волеизъявления не хотят и многие современные украинские сепаратисты. Ни «простой» народ, ни большая часть интеллигенции не должны, видите ли, решать вопроса независимости. Эта независимость должна быть **предрешена** и предписана народу уже посаженной в стране (вопрос: кем?) правительственной властью...

Нет, больной для каждого русского вопрос об украинском сепаратизме может быть решен только — на основе свободного права на самоопределение и свободного же волеизъявления — между обеими ветвями одного и того же народного и национального корня — **без иностранного и иноземного вмешательства.** Соавтор «Заявления по украинскому вопросу», Юзеф Лободовский,

в одной из своих статей в «Дзеннике Польском» приводит слова «одного из известных украинцев» о времени, когда «Украина входила в состав старой Речи Посполитой»: «Мы (украинцы) давали Польше людей, а Польша давала нам взамен идеи культуры». В этих словах кроется вся суть русско-польских взаимоотношений в прошлом и будущем.

Против чего русские возражают, однако, со всей решительностью — это против отождествления России и русского народа с коммунистическим игом, поработившим целый ряд не-русских народов и племен, но прежде всего именно русский народ. До появления на Западе Солженицына и его «Архипелага ГУЛаг» нам постоянно приходилось читать и слышать в свободном мире, как «русские» (слово «коммунисты» при этом непременно опускалось) угнетали

и уничтожали не-русские народности в СССР. После свидетельства Солженицына такие бессовестные обвинения если и не прекратились совсем, то сильно сократились.

Вместо них г. Лободовский считает, например, возможным утверждать, что если бы русские были поставлены перед выбором: распад и расчленение Российской — ныне Советской — Империи или ее укрепление при сохранении коммунистической диктатуры — то подавляющее большинство их встало бы за сохранение Империи под коммунистическим режимом. Позволю себе на вопрос ответить вопросом же: Если бы перед поляками стоял выбор: новый раздел Польши или сохранение ее целостности под коммунистическим режимом, — то каков бы был их ответ на этот вопрос «от лукавого»? . . .

А. ФЕДОСЕЕВ

Заглядывание в будущее

ОТ НАТУРАЛЬНОГО ПРАВА К ЗАКОНАМ

С тех пор, как с незапамятных времен деятельность любого человека происходит в рамках общества со все более глубоким разделением труда, жизнь отдельного человека все больше зависит от действий множества других людей. В натуральном хозяйстве этой зависимости не было, но была, пожалуй, еще горшая и неумолимая зависимость от сил природы, сводившая все существование человека к жестокой борьбе за выживание на уровне, более подходящем для животного, чем для мыслящего человека. Если определить прогрессивность как нечто, способствующее выживанию и улучшению человеческого рода в целом, то появление и развитие общества глубокого разделения труда с его взаимозависимостью людей является безусловно очень прогрессивным. Эта прогрессивность превосходно демонстрируется трехкратным увеличением продолжительности жизни человека и в колоссальном развитии его духовной жизни. Легко также видеть на примере все еще существующих кое-где в мире натуральных хозяйств, что этот тип «независимого» хозяйства не имел и не имеет никаких перспектив развития и обеспечения человечеству лучшей доли. Я сознательно не пользуюсь термином «счастье» в своих рассуждениях потому что, если не говорить о неопределимом качестве счастья, то соответствующее уровню жизни счастье существовало во все времена человеческой

истории. Счастье могло испытываться людьми в самых тяжелейших условиях жизни даже в тюрьме или в концлагере. Поэтому счастье и прогресс — явления взаимно несвязанные. Конечно, счастье очень связано с физическим здоровьем человека и поэтому прогресс, улучшающий здоровье человечества, приводит к увеличению числа случаев счастья, но это изменение пока не может быть измерено. Общество глубокого разделения труда, конечно, родило и свои проблемы. И главная проблема взаимозависимости жизни людей потребовала перехода от так называемого натурального права к праву, определяемому законами. Появились законы как определенный набор правил поведения в условиях взаимозависимости людей, и аппарат для обеспечения выполнения этих законов. Однако эти законы, в отличие от «натурального» (природного) права, создавались отдельными людьми или группами их для всего остального общества. Эти законы, почти как правило, оказывались неприемлемыми для многих других групп людей, не участвовавших в их создании, и часто подрывали экономическую базу общества.

Несовершенство законов.

Это несовершенство законов естественно вело к непрерывной борьбе за устранение одних законов, за введение других и

за изменение третьих. В основе этой борьбы было, конечно, различие жизненных интересов различных частей общества и необходимость как-то эти интересы удовлетворить, не приводя к крушению общества и насущно необходимого разделения труда.

Создаваемые в больших количествах законы естественно были различны в зависимости от времени и места на земле, но, изменяясь и размножаясь, они служили выражением общественной структуры и ее развития. Так появилось понятие «основного закона» и основной структуры общества, включая феодализм, монархию, республику и т. п. Часто основной закон, определяющий структуру всей системы законов, записывался в виде конституции.

Ускорение прогресса человечества и чрезвычайный рост населения естественно способствовал усилению борьбы за «хорошие» законы. Этому усилению борьбы способствовало также явление, неизбежно сопровождающее прогресс: появление и увеличение контраста в уровнях жизни разных людей.

Представьте себе толпу людей,двигающихся в одном направлении. Пока скорость движения мала, толпа представляет собой компактное целое. По мере увеличения скорости движения впереди и сзади ядра толпы появляются заострения ее формы: впереди — наиболее быстрые (преуспевающие), а сзади — наименее быстрые (отстающие). Остановите движение и снова компактная толпа без острых выступов. Нет движения, нет контраста. Чем быстрее движение, тем больше контраст. Этот универсальный (в химии, электричестве, образовании, спорте) закон хорошо известен любому технически грамотному человеку. Существенно, что увеличение контраста сопровождается и тем, что уровень жизни самых отсталых слоев становится выше, чем он был до появления контраста, и растет вместе с контрастом.

Так или иначе, прогресс общества глубокого разделения труда приводит и к расширению и усложнению базы для разногласий. В настоящее время ситуация настолько обострилась, что главным в жизни общества стал не прогресс, как таковой, а разногласия.

Совместно с многими другими я, лично, считаю, что у людей и сейчас и по количеству и по важности больше (и всегда будет больше) общих интересов, чем поводов для разногласий. Вопрос, следовательно, сводится к нахождению компромисса законов, а не к разжиганию «классовой» борьбы.

Расщепление общества на гигантские объединения и исчезновение базы для компромисса.

К сожалению, общество зашло далеко по неправильному пути. Право по закону на неограниченные объединения привело к расщеплению общества на гигантские объединения, «защищающие» интересы отдельных слоев населения. Появился целый набор буквально дерущихся между собой гигантов: партийных, профессиональных, трудовых, национальных организаций. Каждая из этих организаций ставит превыше всего задачу роста и таким образом увеличения силы для победы над конкурентами. Этим организациям неизмеримо труднее идти на компромисс, чем отдельным людям. Любой компромисс рассматривается ими, как поражение. Доблестью всех этих гигантов является не способность к компромиссу, а сила, обеспечивающая их членам (и, следовательно, им самим) привилегированное положение в обществе (конечно, за счет других членов общества и, в первую очередь, за счет именно самых слабых членов общества). Понятно, что такое расчленение общества глубокого разделения труда, требующего для своего эффективного функционирования кооперации и солидарности, приводит к потере этой эффективности и к сползанию общества по уровню жизни назад.

Совершенно очевидно, что идея солидарности в таком расплывающемся по швам обществе повисает в воздухе. В таком, расчлененном на гиганты обществе, вероятность солидарности очень мала.

Кратковременным примером такой солидарности была Швеция, где три главных гиганта (корпорация, профсоюзы и государство) сумели на некоторое время прийти к компромиссу. Сейчас компромисс разваливается и Швецию ожидают большие неприятности.

Больше нигде, включая США, такой солидарности гигантов (не жителей) практически не наблюдается.

«Все дороги ведут к социализму».

Наиболее очевидный путь из этого тупика примерно таков, как путь объединения враждующих русских княжеств в цельное государство, т. е. насильственного подчинения всех их одному, самому сильному.

Такой исход господствует в мыслях людей во всех странах Запада. Главные различия в мнениях по этому поводу заключаются лишь в том, каким способом это объединение «удельных княжеств», т. е. наших гигантов произойдет. Муссолини и Гитлер осуществили это на короткое время путем подчинения всех остальных об-

ществленных гигантов (профсоюзных, промышленных и других корпораций) гигантской силе фашистской партии. Ленин и Сталин осуществили это на более длительный срок тем же способом. Не исключены и многие другие варианты. Например, (маловероятно) постепенный рост (по вертикали и горизонтали) колоссальных промышленных или банковских корпораций может привести к подчинению им всех остальных гигантов и образованию государства в виде одной невообразимой фирмы. Бывший премьер министр Англии, консерватор Хит, стремится призвать гигантов к порядку и компромиссу с помощью увеличения мощи государственного воздействия на общество и гигантов. Однако первая же его попытка в этом направлении введения определенных правил поведения профсоюзов («Индастриал Релейшен Акт») и создания органа, регулирующего «правильное» соотношение зарплат, потерпела полный крах, приведя к смене правительства на лейбористское. Профсоюзные монополии оказались много сильнее. Тем не менее, этот путь к единому государству через законы, все более и более детально определяющие поведение людей и гигантов в пользу одного из этих гигантов, наиболее сильного, тоже не исключен.

Поскольку все эти варианты в конечном итоге ничем принципиальным от социализма не отличаются, то, оказывается, «все дороги ведут в Рим», т. е. к социализму. Имеется большая группа интеллектуалов, которая так и считает, что социализм неизбежен.

От социализма блага, что от козла молока.

Любопытно сравнить социально экономические результаты государства на этом пути к социализму. Совершенный социализм — СССР. Менее совершенный — в сателитах СССР. Еще не социализм, но уже близко к нему — Англия. Еще несколько дальше от социализма — США. Легко видеть, что уровень жизни населения обратно пропорционален близости к социализму. Даже фашистские Италия и Германия с их существенной частной инициативой были экономически успешнее, чем страна более совершенного социализма СССР.

Причина этого сейчас достаточно ясна. Социализм в любом варианте с его единой государственной экономической политикой и единой, навязываемой всем волей не в состоянии разрешить принципиальные противоречия:

1. Между единой политикой, охватывающей всю жизнь в стране, и миллиардами местных обстоятельств миллионов людей. Это выливается в основное противоречие

между тем, что подсказывает человеку здравый смысл, и по необходимости жесткой директивой государства.

2. Если здравый смысл отдельного человека может успевать за изменением местных обстоятельств, то государственные директивы этого сделать не в состоянии.

3. Мышление миллионов взаимодействующих людей статистически создает в некотором роде коллективное мышление мощностью в миллионы мозгов, которому совершенно нереально противопоставить совокупность ограниченного числа мозгов, формирующих окончательную единую политику социализма.

4. Подчинение единой государственной политике всех людей, несмотря на все их различия, требует подавления хаоса миллионов личных инициатив и приводит к превращению населения в бессловесную рабочую скотину. Есть смысл несколько остановиться на различии между законами в их содержании и государственными директивами социализма. И те и другие предписывают определенное поведение человеку. Принципиальная разница заключается в том, что законы призваны защищать отдельного человека от существенного возможного вреда со стороны соседа или групп. Государственная директива социализма предписывает вообще всю деятельность каждого отдельного человека, лишая его возможности пользоваться своим здравым смыслом. Безусловно можно признать лучшей систему законов, которая сводит необходимые ограничения деятельности отдельного человека к минимуму. В то же время единое социалистическое управление обществом было бы идеальным при предписании каждому отдельному человеку всей необходимой совокупности его действий. Вероятно к счастью, на такую полную директиву не способен никакой Госплан в силу присущей ему ограниченности мозгов.

Результатом является чрезвычайная и все возрастающая со временем экономическая неэффективность, не позволяющая не только выполнить хотя бы одного из обещаний всяких благ, на которые так щедрый социалисты и их замаскированные смежники, но и вообще обеспечить человеческую жизнь. Действительно, это очень просто заявить о «бесплатных» услугах гражданам или о распределении по потребности. Однако надо эти услуги и товары потребления кому-то создать в мере, соответствующей обещанию. Жесткие законы экономики вопреки ожиданию продолжают во всей силе действовать при любом «изме» и приводят к крушению всех социалистических обещаний.

Не следует ли заранее отказаться от «удельных княжеств»? Является ли это будущее для Запада и человека, вообще, неизбежным? Нужно ли (бесплодно) пытаться, как это делают многие деятели, размыслить в качестве паллиатива государство, управляемое компьютерами по законам эффективной инженерной фирмы? Если пользоваться методами обычной футурологии, то есть просто экстраполировать прошлое на будущее, то ответ будет: неизбежно и нужно.

Однако экстраполяция не является законом физики. Вспомним, почему нынешний путь оказался неизбежным, а крайне необходимая солидарность утопией? Потому, что люди допустили появление в обществе гигантов. Представим себе, что право людей на объединение было бы ограничено достаточно умеренной величиной этих объединений (имеется в виду любые объединения, включая промышленные и торговые фирмы, профсоюзные и партийные, профессиональные и клубные). Представим себе, что и государство было бы ограничено в своих функциях лишь необходимым минимумом как защита государства, обеспечение правил общежития (законов), сохранением природы и т. п. Конечно, оно не должно было бы быть основным работодателем и владельцем огромного имущества. Такое государство было бы, тем не менее, достаточно авторитетным для небольшого объединения людей или отдельного человека и, в то же время не могло бы по произволу вмешиваться в законную деятельность людей. Разногласия маленьких объединений и, тем более, отдельных людей не производили бы таких колоссальных потрясений, как это происходит сейчас. Осуществление солидарности в таком обществе было бы вполне возможно и даже естественно, имея в виду, что конституция общества это законным образом закрепляла бы.

Такое общество характеризовалось бы

свободным взаимодействием и деятельностью людей. Свобода этой деятельности, высвобождая к действию миллионы мозгов и рук, привела бы к расцвету и творчества и духовной жизни и к развитию идей солидарности вместо идеи классовой борьбы.

Конфликты между отдельными людьми и между умеренного размера объединениями, лишённые колоссальной взрывчатой силы нынешних гигантов, заканчивались бы компромиссом; ничто так не способствует компромиссу как ограниченность силы.

Религии нет совершенно места в социализме, так как она учит о том, что есть более высокий Судия и более высокие законы, чем земные. Это в корне подрывает необходимый авторитет единой воли социализма и его законов и вождей. В обществе без Великих Вождей и закрепляющих душу и тело законов, религия вновь обретет свою роль компаса в безграничном океане эмоционального и иррационального, в котором ни наука ни разум не могут ничем помочь человеку. Государственный аппарат, освобожденный от колоссальной трудоемкости функций всеобщего работодателя и верховного руководителя каждым шагом каждого человека, устремит все силы и внимание на поддержание законности и порядка и идей солидарности вместо классовой борьбы.

Опасность непоследовательности в идее солидарности.

Легко уяснить, что настоящий последователь солидарности не должен соглашаться с любым вариантом государственного устройства, в котором мощь государства велика и функции шире, чем необходимые, а также с таким, в котором не исключается в корне возможность появления общественных гигантов. Такие программы неизбежно рано или поздно приводят к социализму со всеми его последствиями.

В. ИНГУЛ

Без злобы и гнева...

Да, действительно хочется, как это предлагает ... Ский в своей статье «Явление» («Русская Мысль» от 28 июля 1977 г.), «без злобы и гнева в свете революционных пожаров, озаривших XX век» (Бог с ним, таким «озарением». — В. И.) передумать «извечную (и законную) мечту человечества о лучшей доле...». Попытаемся же передумать.

Статья ... Ского является как бы отзвуком на книгу И. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории». Тема о социализме достаточно широко освещена Игорем Шафаревичем в сборнике статей «Изпод глыб»; кто читал его — может составить себе довольно ясное представление и о его книге на ту же тему — о социализме.

Эта тема не перестанет волновать пыт-

ливый человеческий ум, а в наше время — особенно. Да иначе и не может быть: свершаются ведь судьбы мира, поставленного перед неустрашимым вопросом — быть или не быть — в силу вот этого самого социализма, претендующего на непогрешимую истину, призванную покорить весь мир.

Что ... Ский — тонкий апологет социализма, давно всем известно, конечно, — не советского, извращенного, по его мнению, социализма, а другого, более совершенного, с так называемым «человеческим лицом», разрисовывать которое он стыдливо воздерживается.

Основное положение И. Шафаревича о социализме кратко можно очертить следующим образом. Идеология социализма, осуществляемая в обществе на практике, ведет последнее к вырождению, умиранию, смерти. Это доказывают примеры исчезнувших цивилизаций, создававшихся на базе социалистических установок данного народа, отрицавших человека, как личность, превращавших ее в абсолютного раба коллектива, государства. В новое время, начиная с 16-го века, возникают разные секты, ереси с определенной тенденцией обобществления всех сторон общественного бытия, вплоть до общности жен. Пишутся «труды» на эту тему, как «Утопия» Томаса Мора (1516 г.), «Город Солнца» итальянского монаха Фомы Кампанеллы (1602 г.), и множество других учений и трактатов, рисующих картину чудовищного закабаления человека коллективом, государством, полного уничтожения индивидуальности человека. В своей статье «Социализм» в сборнике «Из-под глыб» И. Шафаревич подчеркивает одну очень важную сторону социализма, а именно, что «экономические и социальные требования социализма являются средствами для достижения его основной цели — уничтожения индивидуальности». Социалистические учения существовали уже в древности (диалог «Государство» Платона), а общественные уклады законченного социалистического характера существовали еще до Платона (Месопотамия, Египет Древнего Царства и др.).

Социалистический идеал И. Шафаревич сформулировал следующим образом:

1) Всеобщее равенство, уничтожение иерархии; 2) Уничтожение частной собственности; 3) Уничтожение религии; 4) Уничтожение семьи.

Так вот ... Ский одобрительной улыбкой в адрес И. Шафаревича за его книгу, «написанную в приятной-спокойном тоне, со старательной документацией и неким, придающим ей свежесть диллетантизмом (в хорошем смысле этого слова (sic! — В. И.)),» приходит в конце статьи к выводу: «Не подлежит сомнению, что книга И. Шафаревича,

станет настольной у всех, ненавидящих социализм без большого углубления вопроса (sic!). Но тем, кто уже без злобы и гнева в свете революционных пожаров, озаривших XX век, хотел бы передумать извечную (и законную) мечту человечества о лучшей доле — она не очень поможет». Спрашивается — почему? Объяснение найдем в начале статьи, где ... Ский предлагает, и вполне, может быть, резонно, замечать термин «социализм», как явление в истории общества, другим — «коллективизм» и пишет: «Тогда классификация всех принципиально разных коллективизмов представится в таком виде:

1) Коллективизм экстатический — религиозный и революционный;

2) Коллективизм утопический — философский и «научный»; и

3) Коллективизм естественно-исторический — общинный и государственный.

Классификация сама по себе как будто неплохая, если бы не последующие строки автора, где ... Ский раскрывается перед нами не как углубленный исследователь вопроса, каким он хочет казаться, а каким-то простачком, верхоглядом. Судите сами: «При такой схеме становится на место явление, особо подчеркнутое И. Шафаревичем: полное несоответствие благих провозвестий философского и «научного» социализма реальным его осуществлениям. Оно может объясниться тем, что ни философский (умозрительный), ни «научный» социализм пока не открыл подлинного механизма общественного развития, что естественно-исторические осуществления вовсе не следствия предварительных философских или «научных» концепций и последние не обязательно результат (или предикат) общественно-исторических обстоятельств».

Расшифровать эти «предикатные» рассуждения можно так: коллективизмы экстатические и коллективизмы утопические — это баяки, а естественно-исторический — это другое дело, это сама жизнь. По ..Скому получается, что никакого взаимовлияния трех упомянутых коллективизмов невозможно проследить в развитии общества; что естественно-исторический коллективизм вырастает из пустоты, не подвергаясь влиянию никаких других коллективистических учений, и сам не оказывая влияния на них. Это, по меньшей мере, отдаст архаизмом, нерушимостью догмата. Где и когда, спрашивается, происходило это довольно расплывчатое естественно-историческое развитие общества в его чистом виде? Это немисливо, когда мы знаем, что мир един, что нет обособленных явлений в мире, что все взаимосвязано и одно дополняет другое.

Попытки объяснить происхождение социализма причинами экономическими, историческими, расовыми и другими, совершенно необоснованы. «Втискивать это грандиозное, всемирно-историческое явление в рамки частных категорий, — говорит И. Шафаревич, — значит безнадежно исказить перспективу... Надо признать, что социализм является одной из основных и наиболее универсальных сил, действующих на протяжении всей истории человечества». А подосновой ее, чем он питается, чем дышит, является то, что «Фрейд считал одной из двух основных сил, определяющих психическую жизнь человека: эта сила — инстинкт смерти, стремление к самоуничтожению, инстинкт смерти человечества».

Перед таким, действительно грустным, *memento mori* хочется сказать всем, в ком силен еще инстинкт жизни: инстинкт свободы в человеке, до сих пор побеждавшем в себе, часто со срывами, темные силы хаоса и разрушения, должен быть утвержден и защищен от всех трех коллективизмов, ведущих к отрицанию ценности человеческой личности и, как следствие, — к гибели общества, государства, цивилизации. Пример у всех перед глазами — СССР. Что в этом государстве идеал социализма достаточно воплощен в обществе, всем ясно — по результатам: люди задыхаются, спасаются бегством, экономика разваливается, а сколько там самоубийств — никто не докопается.

В мире, в котором мы живем сейчас, ясно проступают на поверхность иррациональные темпы силы, тенденции крайне разрушительного характера, определяющие социалистический идеал. Борьба чело-

века с ними будет долгой и тяжелой, но уже сейчас необходимо парировать аргументами свободы проповедникам, скрытым и явным, антигуманистической социалистической шигалевщины, об угрозе которой человечеству как раз и говорит И. Шафаревич в своей книге, составляющей действительно подлинное явление эпохи.

...Ский сожалеет, что «в столь важном вопросе автор (И. Шафаревич. — В. И.) пошел скорее путем публицистическим, чем научным». Опять научным! До того слово «научный»... Ский брал в кавычки, зная, как оно захватано в наше время любителями «научно» истолковывать то, что не поддается никаким научным определениям, а именно: иерархию ценностей (в противоположность равенству в рабстве), религию, семью, частную собственность. Всем этим человек живет сейчас и спокоен веков жил, когда еще никакого понятия о науке не было и не могло быть. Затроньте одну из этих четырех категорий, как остальные три будут неминуемо перечеркнуты, отменены — потому что все они являются слиянными в одном слове — ж и з н ь .

...Ский полагает, что в его естественно-историческом коллективизме не будет отменена ни одна из четырех категорий открытого общества. Но тогда его естественно-историческое общество не будет коллективизмом, а будет просто демократическим, открытым обществом.

Нет, г-н ...Ский, книга И. Шафаревича о социализме будет настольной книгой не только для ненавидящих, как вы говорите, социализм, но и для тех, кто передумал и глубоко продумал мечту человечества о лучшей доле.

Ю. МАШКОВ

Непрочитанное показание

Между 25 и 28 ноября сего года в Риме состоялось второе Сахаровское слушание. Общий отчет о нем будет помещен в следующем номере нашего журнала. Председатель этого слушания Симон Визенталь как фацит всего сказал, что они не хотят ликвидации советского режима, хотят только соблюдения прав человека. Иными словами, они хотят квадратуры круга, горячего снега и деревянного железа. Может быть, именно поэтому не всем свидетелям было разрешено выступить. В этом было, например, отказано Юрию Тимофеевичу Машкову, который просидел в тюрьмах и концлагерях 17 лет и всего лишь в сентябре этого года приехал на Запад. Ниже мы публикуем его

выступление, которое он подготовил, но которое ему не разрешили зачитать на слушании.

Уважаемый г-н председатель, уважаемые члены жюри, господа!

Хотя мне пришлось отсидеть 17 лет в политических концлагерях и тюрьмах Советского Союза, я не считаю себя политическим деятелем. Более того, могу засвидетельствовать, что подавляющее большинство советских политзаключенных тоже не политики и не собираются заниматься политической деятельностью. И этот парадоксальный факт наилучшим образом свидетельствует о бесчеловечном характере

советской власти, которая делает политическим заключенным любого человека, понявшего сущность коммунистической диктатуры и не оставшегося равнодушным к своему бесправному положению. В этом смысле моя судьба служит типичным явлением тоталитарного режима.

Я родился недалеко от Москвы в рабочей семье в кровавом 1937 году. После окончания 7-летней школы поступил в Московское Художественное училище. Через 7 лет я должен был получить диплом и работать художником, но случилось событие, перевернувшее мою жизнь. Зимой 1955 года я сделал для себя величайшее открытие, а именно, что коммунисты под шумиху красивых фраз о свободе, равенстве и братстве установили в нашей стране самую чудовищную форму рабства. Разоблачение культа личности Сталина и кровавое подавление венгерского освободительного движения укрепили во мне уверенность в правильности моего понимания коммунистического режима, а нравственное чувство не позволяло мне молчать и пассивно терпеть коммунистическое насилие.

Первое, что я сделал — это сжег свой комсомольский билет, ушел из Художественного училища и поступил на юридический факультет Московского университета с намерением в дальнейшем заняться самиздатом. И тут меня ожидало первое столкновение с безграничным произволом КГБ. Представители КГБ на нашем факультете имели среди студентов широкую сеть осведомителей, которые были приняты на учебу при условии, что они будут сотрудничать с КГБ, и им было поручено следить за каждым словом и поведением остальных студентов, среди которых были сильно распристранены антисоветские настроения. Я очень быстро подружился с этими антисоветскими студентами, особенно с грузином Нодаром Григалашвили, который был на 6 лет старше меня.

И вот однажды представитель КГБ вызвал меня и поставил условие: или я перестану общаться с Григалашвили, или после первых же экзаменов буду исключен. При чем было сказано следующее: «Мы знаем, что Григалашвили прекрасно образован и эрудирован, но если он не перестанет болтать лишнее, мы на экзаменах поставим ему две двойки и исключим за неуспеваемость». Впоследствии я убедился, что это была не пустая угроза.

В это время представитель КГБ уже знал о моих антисоветских высказываниях, и когда увидел, что я продолжаю дружить с Григалашвили, и угрозы исключения из университета не испугался, воспользовался уничтожением моего комсомольского билета как предлогом, чтобы исклю-

чить меня из комсомола. Мы с Григалашвили поняли, что на весенних экзаменах будем исключены, и в апреле 1958 года ушли из университета.

Потом я случайно встретил в Москве одного студента (фамилию, к сожалению, не могу сейчас вспомнить), который учился вместе с нами и после нашего ухода из университета стал высказываться в нашу защиту. Он мне рассказал, что за эти высказывания он сам был исключен после экзаменов тем самым способом, о котором говорил представитель КГБ, то есть посредством двух фальшивых двоек. Ему, однако, удалось выкрасть из стола преподавателя записку, написанную рукой представителя КГБ, в которой предписывалось поставить ему фальшивую двойку. С этой запиской студент обошел все советские инстанции от прокуратуры до ЦК КПСС, но восстановлен в университете не был.

Я опускаю рассказ о моей жизни после ухода из университета, о том, как я встретил единомышленников, которые так же, как и я, стремились вынести на суд народа свое суждение о советском режиме, как к самому молодому из них был подослан агент КГБ Константин Сальников и как мы были арестованы после первого и единственного нашего собрания, на котором мы решили общими силами создать свою библиотеку для политического самообразования и выражать свои убеждения с помощью нелегальных листовок и брошюр, поскольку по советским законам мы не имели права на легальное самовыражение. У нас не было ни устава, ни программы, ни членских взносов, ни организации как таковой, ни листовок, ни брошюр.

Нас судили в Москве закрытым судом только за **намерение** высказать народу свое мнение о советской власти. Судили в апреле 1959 года шестерых (из них две девушки) и всем, кто не отрекся от своих убеждений, дали по 7 лет концлагерей, т. е. наивысший срок по соответствующим статьям советского Уголовного кодекса (тогда 7 и 9 статьи «Основ законодательства», соответствующие нынешним 70 и 72 статьям УК РСФСР). Четверо из нас принципиально отказались от адвокатов, поскольку еще во время предварительного следствия мы узнали от следователей, что срок нам определяет не суд, а КГБ, и каждый из нас уже знал свой срок. Мои следователи, Волков и Мальцев, говорили мне: «Раскаешься — получишь 5 лет, не раскаешься — 7 лет». Когда же я сказал следователю, что несправедливо и нелогично давать людям наивысший срок, если они ничего еще не сделали против власти, то он мне ответил: «По политическим делам у нас не наказание, а мера социальной защиты, когда мы

определяем срок не по делам, а по потенциальной опасности для нас данного человека». Позднее, в концлагерях я не раз убеждался в правильности этих слов.

Вот имена моих поделщиков:

1) Нодар Григалашвили, грузин, 1931 г. рождения, студент юридического факультета МГУ;

2) Валентина Цекмистер, украинка, 1938 года рождения, студентка механико-математического факультета МГУ;

3) Александр Богачев, русский, 1939 г. рождения, студент химического техникума;

4) Вадим Попов, русский, 1938 года рождения, студент-биолог почвенного факультета МГУ;

5) Надежда Бацулло, белоруска, 1938 года рождения, чертежница Московского проектного института.

Двое последних притворно раскаялись в «содеянном» (хотя ничего сделано не было), и получили соответственно два и полтора года концлагерей. Александр Богачев заболел в лагере душевной болезнью (с манией самоубийства), после освобождения в 1965 году попал в психобольницу и в 1975 году умер от разрыва сердца в возрасте 36 лет. Григалашвили за неудавшийся побег из концлагеря получил еще 3 года срока (из них 2 года закрытой Владимирской тюрьмы), тоже заболел душевной болезнью и после отбытия 10-летнего срока куда-то пропал. Валентина Цекмистер имела 7 лет срока, но освободилась по помилованию через 5 лет. В 1965 году, после моего освобождения, я женился на ней (с тех пор она носит мою фамилию), и летом 1966 года мы вместе с нею предприняли две попытки бегства из СССР. Вторая попытка закончилась нашим арестом и второй судимостью.

Во время следствия ленинградские чекисты применяли все незаконные приемы (кроме избияния), чтобы оформить протоколы допросов для обвинения нас по 64-й статье (то есть в «измене родине»). Ложь, цинизм, шантаж, издевательства, игра на чувствах, садизм, фальшивые протоколы, добавление в пищу возбуждающих препаратов, подсаживание в камеру стукачей и своих агентов, ложные свидетели, — одним словом все, на что они способны, вплоть до телепатии, которую применяли ко мне 12 октября 1966 года.

Поясню на немногих примерах:

Мне следователь Капустин говорил:

«Вся твоя жизнь и жизнь твоей семьи в наших руках. Так что если о себе не хочешь подумать, подумай о своей жене и о ребенке, который скоро родится».

Если я отказывался подписываться под фальшивыми протоколами, мне говорили:

«Ты эгоист, думаешь только о себе. Твоя жена мучается на последних месяцах беременности, а из-за твоего упрямства мы вынуждены таскать ее на допросы». (А когда жена не ставила свою подпись под протоколами, ее часами держали в кабинете следователя и выпускали в уборную только после того, как она подписывала. Это проделывал капитан Лесников под руководством начальника следственного отдела Сыщикова).

Когда мы на суде (тоже закрытом) отвергли фальшивые записи в протоколах допроса, рассказали о применении следователями незаконных приемов и потребовали привлечь их к уголовной ответственности по соответствующей статье, прокурор прямо заявил: «Мы не имеем права сомневаться в действиях следователя КГБ». И это была чистая правда, показывающая положение прокуратуры и суда в Советском Союзе.

Как ни старался суд, ему не удалось обнаружить наших «изменнических» намерений, и тогда чекисты пошли на прямое преступление: они заставили секретаря суда переписать протоколы судебных заседаний так, как будто мы во всем сознались.

По приговору этого суда мне дали 13 лет особого режима и 3 года ссылки, а жене — 10 лет строгого режима. Наша дочь родилась в тюремной камере и в 4-месячном возрасте была отдана родителям моей жены.

Я, разумеется, написал жалобу о фальсификации протоколов судебного заседания, но эта жалоба, как и многие другие, не имела бы никакой силы, если бы на наше счастье сам секретарь суда не написал бы об этом в кассационную инстанцию. В тех условиях это был поистине героический поступок. После этого приговор суда был отменен с определением «обвинение не доказано», и дело возвращено для нового судебного разбирательства. Второй суд тоже не сумел собрать необходимых доказательств; более того, два лжесвидетеля признались, что следователи угрозами и подкупами заставили их дать ложные показания. И тем не менее, суд вновь вынес нам приговор по 64-й статье, чуть уменьшив срок: мне до 10 лет, а жене — до шести.

Таким образом, моя жена отбыла в общей сложности 11, а я 17 лет за попытку реализовать в СССР два элементарных права человека: право на свободу слова и на свободу эмиграции (соответственно ст.ст. 19, 113 и 14 Всеобщей Декларации прав человека). Лучшего доказательства абсолютно бесправного положения всех граждан СССР, по-моему, и быть не может.

И хотя советское правительство поставило свою подпись под Всеобщей Деклара-

цией прав человека и заключительным актом Хельсинского соглашения, более того, объявило о ратификации Международного Пакта о гражданских и политических правах, положение граждан Советского Союза ничуть не улучшилось — они остаются такими же бесправными, какими были все предыдущие 60 лет. За инакомыслие, защиту прав человека и критику тоталитарного режима по-прежнему сажают в тюрьмы, концлагеря и психбольницы (последняя жертва перед моим отъездом из СССР — Феликс Серебров, член «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях», арестованный по ложному обвинению в подделке документов); по-прежнему нет свободы эмиграции. Для получения разрешения на выезд обязательно требуют вызов из Израйла, без него не хотят даже разговаривать.*)

Перед самым отъездом я познакомился с семьей Барановых, которая давно и безуспешно добивается разрешения на выезд из СССР. Москвич Иван Луначев добивается выезда с 1963 года, за что уже трижды попадал в психушку, хотя «лечению» не подвергался. Перед самым моим отъездом в ОВИР по вызову из США, ему заранее сказали, что будет отказ. Иван Овчинников дважды обращался в Президиум Верховного Совета СССР с заявлением об отказе от советского гражданства и с просьбой о выезде и дважды получил отказ.

Я не буду говорить о положении в Мордовских концлагерях — об этом говорилось на предыдущем заседании в 1975 г. Расскажу о Пермском лагере, из которого я освободился. Пермские ужасы начались с этапирования. Этап начался 9 июля 1972 года, когда примерно половину политзаключенных (из мордовских лагерей, о которых уже говорилось на предыдущем заседании в 1975 году) набили в три спецвагона. Стояла страшная жара, горели леса и торфяные болота, дым расстилался на тысячи километров как туман. Нас везли четверо суток по ночам, а днем отцепляли вагоны и ставили их на запасные пути. Вентиляции не было никакой, воды давали мало и только сырую, от нее у многих начались болезни живота, а в уборную водили раз в

*) Для выезда из СССР за границу необходимым (но не всегда достаточным) условием является вызов из Израйла. Естественно этот вызов получают преимущественно евреи. Однако иногда друзьям удается выхлопотать такой вызов и для некоторых русских, украинцев, армян или других народностей СССР. Но подавляющее большинство тех представителей этих народностей, которые хотели бы эмигрировать, не имеют никаких шансов на выезд. Иногда помогает и вызов из США. Прим. ред.

сутки. Пришлось отказаться от всякой пищи все четверо суток и раздеться всем до трусов, а пот лил таким градом, что со стен вагонов слезла краска, и на полу стояли лужи пота. Люди задыхались и теряли сознание. Медицинской помощи не было никакой, а лекарства у больных отняли при обыске. А чекисты в это время купались и загорали перед нашими вагонами. В довершение всего они фактически убили больного диабетом заключенного Григория Микитюка самым простым способом — врач перестал делать ему уколы. Микитюк умирал долго, со стонами и страшным хрипом, под рев и проклятия всех заключенных, требовавших врача. Конвоиры по телефону держали чекистов в курсе происходящего, и врач появился только после того, как солдаты сообщили о смерти заключенного.

Это была первая жертва, но не последняя: я попал в лагерь номер 389/35, где была больничная зона и поэтому был свидетелем еще нескольких смертей. Один повесился в больнице, не выдержав лагерного режима. Вообще с 1959 года, когда я впервые попал в концлагерь, и до сих пор режим в концлагерях непрерывно ухудшается, а в Пермских он тяжелее, чем в Мордовских.

Первой акцией лагерного произвола в Пермских концлагерях была стрижка бород и запрет ношения бороды, особо тяжелый для тех верующих, которые носили бороды из религиозных побуждений. Затем началась бесконечная травля заключенных, о которой трудно рассказывать, укажу только на некоторые ее проявления:

- 1) Шантаж, запугивание и хамство вплоть до физического насилия;
- 2) Наказания по ложным рапортам;
- 3) Обыски в жилых помещениях зеков и изъятие запрещенных предметов;
- 4) Лишение свидания к моменту приезда родственников;
- 5) Личный обыск всех родственников, приехавших на свидание (раздевали догола с унизительным осмотром);
- 6) Лишение инвалидов инвалидности и принуждение к тяжелой работе;
- 7) Отсутствие прокурорского надзора, попустительство лагерному произволу;
- 8) Бесконечные конфискации писем, практически лишаящие права на переписку;
- 9) 8-часовой рабочий день для вредных условий труда и отсутствие денежной компенсации;
- 10) Замена коек мирного образца (с сеткой) цельнометаллическими тюремными койками.

А о жестокости самого режима во всех политических концлагерях разговор особый. Здесь речь должна идти уже не о про-

изволе, а о жестокости самих коммунистических законов.

В результате невыносимых условий и бесконечного произвола лагерной администрации среди заключенных возникла и усиливается ответная реакция — переход на статус политзаключенных явочным порядком и отказ от советского гражданства. Первым (в декабре 1974 года) перешел на статус политзаключенного Владимир Балаканов, бывший сотрудник советского представительства в ООН, в свое время попросивший в Швейцарии политического убежища, а затем вернувшийся в СССР и получивший 12 лет. Этот переход означает полный бойкот всех требований режима: отказ от работы, от хождения в столовую строем, от проверок, от посещения политзанятий, от подъема и отбоя по звонку и т. д. За это сначала сажают в ШИЗО на любое количество суток, затем на несколько месяцев в ПКТ, а затем во Владимирскую тюрьму. За Балакановым последовали Александр Чекалин, Иосиф Мешекер, Габриэль Суперфин, Иоган Вальдман и Анатолий Альтман.

В сентябре 1975 года около 30 заключенных обратились в Президиум Верховного Совета СССР с требованием перевести всех так называемых «особо опасных преступников» на статус политзаключенных и направить в лагерь специальную комиссию для проверки на месте всех приговоров, поскольку большинство из них необоснованно. В противном случае они заявляли о своей решимости отказаться от советского гражданства. Примерно через месяц пришел ответ — один на все заявления: «Вопрос о гражданстве будете решать после своего освобождения».

В ответ на это я написал 7 ноября 1975 г. заявление следующего содержания:

В Президиум Верховного Совета СССР. Поскольку:

1) коммунистический строй в принципе отрицает права и свободы человека, провозглашенные Всеобщей Декларацией прав человека;

2) эти права и свободы можно получить в современном мире только в капиталистической стране;

3) лучшие годы моей жизни (17 лет концлагерей и тюрем) загублены советской властью за попытку осуществить в СССР всего лишь два элементарных права человека: права на свободу слова и свободу выбора местожительства (соответственно ст. 19 и Всеобщей Декларации прав человека); века);

4) моя попытка бегства из коммунистической неволи не является преступлением согласно статье 14 Всеобщей Декларации прав человека и

5) поэтому содержание меня за это в концлагере является незаконным и преступлением коммунистов против человечности — в знак солидарности с борьбой лучших сынов России, лауреатов Нобелевской премии Андрея Дмитриевича Сахарова и Александра Исаевича Солженицына за права человека в коммунистических странах — считаю своим гражданским и патриотическим долгом:

а) с 10 ноября 1975 г. перейти явочным порядком на статус политзаключенного;

б) отказаться от советского гражданства как от позорного рабского клейма. Мой отказ от советского гражданства нельзя рассматривать как отказ от своего народа или от своей родины, но лишь как отказ от коммунистического режима, временно поработившего мой народ.

За это я отсидел 32 суток в ШИЗО и 6 месяцев в ПКТ, а последние два месяца перед освобождением пролежал в больнице из-за предельного истощения и болезни сердца.

Тогда же, т. е. в ноябре 1975 года, более 50 заключенных тоже направили в Президиум Верховного Совета заявление с отказом от советского гражданства. В их числе были Огурцов, Светличный и Глузман.

Первого августа 1976 года около 30 политзаключенных нашего лагеря отправили в различные международные органы заявления протеста против невыполнения советским правительством демократических требований Хельсинкского соглашения.

Я лично объявил в этот день голодовку и направил в Комитет ООН по правам человека следующее заявление: «Первая годовщина подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе показала, что советское правительство поставило свою подпись из демагогических побуждений, стремясь обмануть мировое общественное мнение и скрыть агрессивный и антигуманный характер своего тоталитарного режима.

Поскольку не наблюдается никаких признаков демократизации этого режима, уместно отметить хотя бы некоторые моменты советского бесправия:

1) Отсутствие свободы слова, печати, собраний, митингов, демонстраций, забастовок и политических партий;

2) Отсутствие права на свободную эмиграцию и свободный выбор местожительства в пределах СССР;

3) Запрет на профессию для всех инакомыслящих и членов их семей;

4) Запрет на воспитание своих детей в религиозном духе;

5) Отсутствие права на получение политзаключенными и членами их семей по-

мощи от Международного Красного Креста и других международных организаций.

6) Запрет на получение в концлагерях и тюрьмах какой-либо иностранной информации (газеты, журналы, книги, кино).

7) Запрет на получение в лагерях и тюрьмах какой-либо религиозной литературы;

8) Запрет на совершение религиозных обрядов во всех концлагерях и тюрьмах;

9) Тщательная изоляция политических заключенных от всего человечества для сокрытия невыносимых условий в концлагерях и тюрьмах;

10) Упорное нежелание признать так называемых «государственных преступников» политическими заключенными и содержание их под этим предлогом на уголовном режиме.

Не трудно понять, что страна с тоталитарным режимом, спрятанная за железный занавес, не может быть мирным соседом для свободных стран Запада.

Этого мнения я придерживаюсь и в данное время.

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ ЮРИЯ ТИМОФЕЕВИЧА МАШКОВА

Родился в русской рабочей семье 16 июня 1937 года, в деревне Клишева Ралинского района Московской области. Отец, Тимофей Васильевич Машков, 1913 года рождения, кузнец, пропал без вести на фронте в 1944 году. Мать, Лидия Петровна, 1915 года рождения, работала на разных неквалифицированных работах, ныне пенсионерка.

В 1952 году закончил 7-летнюю школу и был принят в Московское Высшее Художественно-Промышленное училище (бывшее Строгановское). В 1957 году под влиянием антисоветских убеждений сжег свой комсомольский билет и ушел из училища, чтобы заняться самиздатом. В том же году поступил на первый курс юридического факультета Московского университета.

В марте 1958 года исключен из комсомола, а в апреле ушел из университета и до ноября работал на разных работах. 25 ноября 1958 года арестован и вместе с пятью другими студентами осужден на 7 лет концлагерей за намерение заняться самиздатом.

В 1965 году, после освобождения, женился на Валентине Цекмистер, которая была осуждена ранее вместе со мной и отсидела 5 лет.

Летом 1966 года вместе с нею сделал две попытки бегства из СССР, но был задержан пограничниками и осужден вторично на 10 лет. Жена получила 6 лет. 1-го февраля в тюремной камере ленинградского КГБ родилась наша дочь Оля.

После своего освобождения в 1972 году моя жена, Валентина Машкова, развелась со мной и вышла замуж за Владимира Осипова, отбывающего ныне срок за издательство журнала «Вече».

Я освобожден 4 августа 1976 года из Пермского концлагеря ВС 389/35 и до своего отъезда из СССР (27 августа 1977 года) жил в городе Александрове Владимирской области, работая кочегаром в железнодорожной бане.

Уголовная Россия

В американском двухнедельном журнале «Нью Лидер», от 26 сентября 1977 г. на стр. 18 напечатана рецензия Л. И. Шелли, ассистента профессора по криминологии в американском университете, на книгу Валерия Чалидзе: «Уголовная Россия. Исследование преступлений в Советском Союзе».

Приводим сперва эту рецензию полностью:

«Несмотря на официальные заявления об очищающем влиянии коммунизма, преступления все еще процветают сегодня в СССР. Находящийся в эмиграции диссидент Валерий Чалидзе, объединивший обширные исследования с личным опытом, дает (этой книгой) первый анализ соотношения между теперешней советской и прежней преступностью в России.

Чалидзе определяет, например, двусмысленность отношения к преступлению, как в царской России, так и в СССР, когда

кража осуждалась, если при этом был ограблен член общины, но санкционировалась, если жертвой оказывался чужой человек. (!!! Ред.). В результате работавшие с размахом разбойники становились героями, в то время как местные воры вызвали страх и негодование.

После 1917 года продолжало преобладать подобное же противоречивое отношение: советская власть одобряет, и при случае предписывает совершение известных преступлений, но сурово наказывает действительных или только подозреваемых нарушителей закона в других случаях. Чалидзе приписывает пережиток этого двойного мерила революционерам-большевикам, которые „начали с того, что считали себя освободителями и прибежали к кражам и террору только как к средствам сбора фондов для своего дела”. Вскоре, однако, они стали различать между своим намерен-

ным беззаконием и менее идеологически нарушениями закона рядовыми преступниками.

Второе сходство между русскими и советскими людьми заключается в их недостаточно развитом чувстве собственности. Царь Николай Первый сказал однажды своему сыну: «Я думаю, что ты и я — единственные люди в России, которые не крадут», и советская власть сначала использовала традиционное неуважение к чужой собственности (в особенности против кулаков). Позднее, во время второй мировой войны, солдатам разрешалось грабить личное имущество иностранцев.

Но эта политика оказалась для правительства палкой о двух концах. Власти приложили значительные усилия для воспитания, но люди, по видимому, не могут научиться тому, что то, что принадлежит государству, не принадлежит им. Кража государственной собственности происходит на всех уровнях, и в противоположность краже личного имущества, считается универсально приемлемой в скромных размерах. Чалидзе указывает, что это происходит не только потому, что люди стремятся к личному обогащению, но потому, что в некоторых случаях они не могут получить орудия и товары для их производства законным образом.

Не большой прогресс наблюдается и со взяточничеством, — неизбежное явление в дореволюционные времена, которое, как ничто другое, возросло при коммунизме. Чалидзе рассказывает о взятках, которые даются человеку, записывающему данные электрического счетчика, продавцу мебели, университетскому администратору (чтобы обеспечить прием в университет), доктору (за тайный аборт), кладбищенскому сторожу (чтобы получить место для могилы). Что же касается краж, то обычная «смазка» связана не столько с выгодой, сколько со всеобщим недостатком всего в сегодняшнем Советском Союзе.

Советской власти больше повезло с уничтожением другого рода преступности — самосуда, кровопролития, всегда сопровождавшего пьянство на праздники, и столкновений между преступниками и деревенскими общинами. В этом достигнут наибольший успех: в противоположность своим предшественникам в русских деревнях современные колхозники добросовестно докладывают властям о всех серьезных преступлениях. Советской власти удалось сломать традиционную крестьянскую лояльность друг к другу и направить их инстинкт личной мести в рамки доноса. Хотя эта система осведомителей и не так действенна теперь, как в сталинские времена, она все же держит в узде как по-

тенциальную, так и активную преступность.

Вдобавок советской власти удалось добиться значительного успеха в уничтожении преступного мира — важной вехой стала при этом готовность профессиональных воров бороться против нацистов во время второй мировой войны. Этот сегмент общественной жизни все еще существует, однако, и в одной из самых интересных глав Чалидзе описывает тех преступников, которые „так же отвергают все учреждения, как и собственность”, и не придают никакой цены тому, что они крадут. Интересно и их отношение к женщине: они физически грубы с женщинами, часто обращаются с ними как с рабами, но жены преданы им. В самом деле, советские проститутки мечтают выйти замуж за вора — даже если это повлечет за собой отказ от их образа жизни, поскольку преступный мир не допускает никакой связи с другими.

Ценной чертой книги „Уголовная Россия” является обилие ее фактических данных. Так мы узнаем, например, что убийства во время кражи и грабежа в Сов. Союзе происходят реже, чем в Соединенных Штатах (откуда у В. Чалидзе такая статистика? Ведь советские власти держат эту статистику под семью замками! Ред.), что людоедство в Сов. Союзе не определяется как преступление и фактически существовало во времена голода, что объясняется как недостатком пищи, так и русским убеждением в сверхестественных качествах некоторых частей тела (??? Ред.), до сих пор случаются обвинения в колдовстве, что служит иногда поводом к убийству; и что кровавая месть и убийство матерями своих детей происходит и сейчас, хотя и реже, чем при царизме. (Ах, какой ужасный был этот царизм! Сов. режим все же лучше, матери реже убивают своих детей! Но откуда опять-таки эта статистика у В. Чалидзе? Ред.)

Гомосексуализм, по словам Чалидзе, наказывается в Сов. Союзе тюремным заключением. Он считается настолько предосудительным, что гомосексуалисты, будучи освобождены после заключения, часто арестовываются снова за их поведение, когда они были в тюрьме. Как и в Соединенных Штатах, изнасилование часто замалчивается, иногда обвинения бывают ложными. То обстоятельство, что изнасилование особенно грубо в Сов. Союзе доказывается тем фактом, что массовое изнасилование и тяжелые физические повреждения, наносимые жертве, являются характерными чертами 85% известных случаев.

В отличие от других трудов Валерия Чалидзе о политических диссидентах и

диссидентском движении „Уголовная Россия” — книга, тема которой разработана с вдумчивостью и остроумием. Для каждого, заинтересованного преступностью или загадкой русского и советского общества эта интересная книга дает много интересного материала».

**

*

Не вдаваясь пока в обсуждение, повидимому, обширных данных этого «ценного материала» (рецензия на книгу Чалидзе будет дана позже) редакция тем не менее считает своим долгом отметить как по меньшей мере прискорбный факт некоторые указания рецензента, сделанные им на основании данных, приводимых автором и вызывающих более чем недоумение.

«Работавшие с размахом разбойники становились героями (в противоположность обыкновенным ворами)», — пишет рецензент. Бывало и так, но только почему это относится только к царской России? Такие «герои-разбойники» встречаются во всех странах мира. Достаточно только вспомнить хотя бы Робин Гуда.

Вообще же совершенно непонятно, почему Чалидзе объясняет обкрадывание советского государства «русской традицией». Здесь нет ошибки американского рецензента, т. к. журнал «Континент», поместивший положительную оценку книги Чалидзе, пишет: «Говоря о русской уголовной традиции, автор упоминает два важнейших обстоятельства: во-первых, традиционное резкое деление собственности на свою (собственность общины и ее членов) и чужую, покража которой не считалась великим грехом, — здесь он видит корни небрежного отношения к государственному имуществу в послереволюционной России, где расхищение казенного имущества достигло огромного размаха». («Континент», № 12, стр. 303).

Не надо глубокого исследования, чтобы знать, где корни «небрежного отношения к государственному имуществу» в Советском Союзе (а не в «пореволюционной России»), как хочется автору еще раз подчеркнуть, что Россия, именно она — воровское государство!). Советское государство эксплуатирует народ так, как разве что прежде эксплуатировали рабов, как никакое капиталистическое государство свой народ не эксплуатирует. Народ это знает. И он не считает грехом взять от государства хоть малую часть, присвоенных этим государ-

ством плодов его труда, если к этому представляется возможность. Мы думаем, что народ прав.

Но вот является г-н Чалидзе и выворачивает все наизнанку. Этот ясный и всем известный факт он приписывает какой-то на самом деле никогда не существовавшей «русской традиции». И рецензент его книги в журнале «Континент» В. Козловский с этим соглашается! Что это? Невежество или тенденция? Все то же желание замарать Россию, исказить ее историю, ее традиции, попытка объяснить все ужасы коммунизма и советского строя русской традицией и русской историей?

(Насколько у диссидентов путаются понятия в отношении России и Сов. Союза, будь то намеренно, будь то подсознательно, показывает замечательная фраза из рецензии Владимира Рыбакова на книгу Раймона Арона в том же номере «Континента»: «Или о чем говорит тот факт, что прибыли советского колхозника еще не достигли уровня прибыли советского (курсив наш, ред.) крестьянина 1913 г.» (стр. 383). Опечатка, незамеченная ни автором, ни редактором, ни корректором? Невольно вспоминается Фрейд...).

Что «людоедство не определяется как преступление» — вещь обычная. В уголовных кодексах цивилизованных стран статьи о людоедстве нет, т. к. наличие его и не предполагается. То, что во время искусственно вызванного властями голода в 30-х годах и голода во время второй мировой войны, особенно во время блокады Ленинграда, фактически были случаи людоедства, правительством, конечно, не захотело увековечить в уголовном кодексе, потому что это не делало бы ему чести. Но заявление, что эти случаи объясняются «как недостатком пищи, так и русским убеждением в сверхъестественных качествах некоторых частей тела», поистине гротеск! Недалеко же ушли эти варвары русские от, скажем, племен Новой Гвинеи, считавших совсем недавно (а, может быть, считающих еще и сейчас), что убив врага, надо съесть его сердце или еще что-нибудь. Так рисует русских Чалидзе малосведущим иностранцам!

Или, может быть, американский рецензент что-то не так понял? Преувеличил? Достаточно и того, что книга «известного диссидента» дает иностранцам возможность представлять русских в виде дикарей-людоедов.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Обзор зарубежной печати

Неприятное впечатление оставляет статья А. Гладилина «Вив ля Франс!» в «Русской Мысли» от 20 октября, соответственно заглавию содержащая поток восторженных восхвалений Франции, а наипаче ее правительству. Допустим, сии излияния делаются и от чистого сердца; увы! французы, каковы бы ни были их другие достоинства и недостатки, — народ очень умный и от природы недоверчивый. Преувеличенные комплименты в устах иностранца, особенно эмигранта, обычно вызывают у них скептическую, а порой и презрительную улыбку. Верно, что в СССР вожди и партийное руководство требуют — и получают — лесть грубую и вульгарную; да и гитлеровские немцы предпочитали именно такую. Во Франции все же посоветуем г-ну Гладилину употреблять не столь крупную соль и не столь неумеренно.

Впрочем, ему видней; и мы бы смолчали. Если бы не его надменные поучения всей до новейшей эмиграции, якобы не умевшей оценить благоденствия западного мира, от коих слегка пахнет доносом. Он

ДИССИДЕНТЫ И КОММУНИЗМ

Под таким заголовком мы опубликовали статью в «Новом журнале» (кн. 127), где указывали на то, что часть «диссидентов» фактически помогает еврокоммунизму, который в свою очередь является гениальной стратегией мирового коммунизма, разработанной для того, чтобы овладеть еще свободным миром.

Опровержения со стороны кого-либо из «диссидентов» не последовало, но все же, возможно, не все читатели поверили, что есть связь между «диссидентами» и еврокоммунизмом. Теперь, однако, мы получили подтверждение этого из уст А. Амальрика. На конференции американской ассоциации славистов в Вашингтоне он в своем докладе 13 октября 1977 г. сказал, между прочим, следующее: «Мне кажется, что все эти вопросы не безразличны и для Запада. Уже сейчас наше движение оказывает косвенное влияние на положение дел на Западе. Приведу два примера. Во-первых, еврокоммунизм не возник бы в такой форме и в такое время, если бы не наличие демократической гласной оппозиции в СССР». («Русская мысль», 10 ноября 1977).

Понимает ли сам Амальрик, что он творит и говорит?

В. Пирожкова

строго напоминает русским беженцам, что: «Собственно, французские власти совсем были не обязаны пускать их в свою страну. Они могли заявить эмигрантам: дескать, господа хорошие, как же вы терпели такой режим правления, который привел Россию к революции?» Учтем: для г-на Гладилина во всем виноват старый режим (типичная коммунистическая точка зрения), и он беспощаден ко всем его так или иначе поддерживавшим, или хотя бы с ним мирившимся. Оно, само по себе, не ново!

Чем вы занимались до восемнадцатого года?

Как удачно, что французские власти с г-ном Гладилиным не советовались! Он бы уж всяким там белогвардейцам и контрреволюционерам прописал бы кузькину мать! Ну, вот если бы его самого стали допрашивать, зачем он **четверть века** терпел советский строй — ему бы не понравилось. Что терпел, мы отнюдь не упрекаем, — терпели и терпят поневоле все жители СССР; разница та, что одни переносят с ненавистью, как внешнее насилие, а другие — принципы большевизма **носят в самих себе** и никуда от них не уйдут.

Не верши А. Гладилин свой Шемякин суд со скоропалительностью и поверхностностью, присущим третьей волне, он бы обнаружил, что старая эмиграция действительно хлебнула не мало горя; кое-кто и вовсе погиб. Дело не в том, чтобы винить Францию; иные времена, иные и нравы; да и в прочих странах — где было лучше, а где и хуже. Обо всем, что русским за границей пришлось перестрадать, повествуют документы, воспоминания, художественная литература, в том числе люди, кого никак нельзя упрекнуть в недостатке симпатии к Франции. Что же до новой эмиграции, после второй мировой войны, — ее Гладилин полностью игнорирует, по устанавливаемому ныне третьей волной омерзительному канону, — она, согласно Ялтинскому договору, подлежала выдаче, и кому из нее удалось избежать страшного лагеря в Борегаре, откуда был путь всех в концлагерь Колымы и к смерти в адских муках, то лишь благодаря хитростям и невероятным усилиям.

Порадуемся за А. Гладилина, каковой во Франции преуспевает и пожелаем ему в дальнейшем устроиться еще лучше! Обидно, конечно, что французы его считают **неизвестным литератором**. Не надо сердиться: они ведь и наших классиков знают слабо. Да, признаться, и русским-то имя

Гладилина не столь уж знакомо, покамест. Зато уж, как он сам описывает, когда, при возврате из туристических поездок в Испанию он провозил контрабандой лишнюю бутылку спиртного, — французские таможенники любезно и снисходительно шли ему навстречу.

В № 104 «Граней» Роман Редлих в романе «Предатель» хотел превознести деятельность НТС в России в период последней войны. Но материал сопротивляется писателю; и правда, встающая с его страниц, не совсем та, какой он желал. Выходит, что в СССР шли в солидаристы такие личности как насквозь пропитанные советским духом Валька, «барская барыня» при немецком коменданте, и главный персонаж произведения, предатель в самом прямом смысле слова, на первом допросе выдающий друзей и при случае с радостью доносящий на врагов. Членам же Союза Молодого Поколения из рядов старой эмиграции, изображаемым им, Редлих оказывает, право, медвежью услугу, настойчиво сравнивая их со святыми и апостолами! Подобные термины звучат нелепо, в применении к молодым и немолодым людям, в чьей путаной жизни обширное место отведено выпивке, вольному флирту, заумному философствованию и декламации декадентских стихов на фоне светлых девичьих взвизгов.

Прекрасные стихи в том же номере Юрия Иоффе «Тяжелый Париж» ярко выражают тоску по родине, которую с автором, новейшим эмигрантом, разделяют, без сомнения, многочисленные эмигранты, старые и новые:

«И много ль мне проку, скажите, с Парижу?
Зачем мне чужое? К чему мне Париж?»

О большой и интересной статье Е. Брейтбарт о Лидии Чуковской возразим все же, по поводу мнения, что роман этой последней «Софья Петровна» (в эмиграции более известной как «Опустелый дом») является единственной в русской литературе прозой о сталинском терроре, написанной тогда же. За рубежом о нем была проза И. Л. Солоневича, а потом Н. Нарокова, С. Максимова, Л. Ржевского и скольких еще, представлявшая еще совсем свежие воспоминания очевидцев.

Очень хорош обстоятельный этюд В. Чернявского о «Предсказании Казота», предугадавшего, незадолго до Великой Французской Революции, ее ход и последствия. Автор, в целом, дает здесь чрезвычайно красочную и верную картину того ужасного времени, удачно используя различные литературные источники, от Анатолия Франса и Виктора Гюго до лживой книжки Галины Серебряковой «Женщины эпохи французской революции». Набрасы-

ваемые им образы вызывают в памяти меланхолические стихи Радищева о XVIII веке:

«Нет, ты не будешь забвенно, столетие
безумно и мудро...
Ах, омочено в крови, ты ниспадаешь во
гроб».

И приходится согласиться с мнением о нем поэта:

«Будешь проклято во-век, в век
удивлением всех».

Отметим у Чернявского две мелких погрешности в написании французских имен: Ги де ля Батю, вместо де ла Батю, рядом с правильными формами как Ламартин, Латуш; и Лепелетье Сен Фарго; на самом деле этого члена Конвента и соучастника легального убийства Людовика XVI звали Лепелетье де Сен Фаржо.

В номере «Часового» за октябрь-ноябрь выделяются две статьи, посвященные анализу самых основных политических и идеологических проблем современного мира, в СССР и на Западе: «Юбилей безумия» В. И. и «Наследство Сталина» А. Федосеева. Обе они весьма пессимистичные, но вторая значительно глубже и интереснее. Автор ее подвергает убийственной критике наивные иллюзии Запада о возможности в Европе «хорошего» коммунизма; сжато и четко показывает он также разлагающую роль западных профсоюзов.

Н. Кремнев, в передовице «Нашей Страны» от 8 ноября, резонно констатирует, что есть не три, а четыре русских эмиграции: дореволюционная; эпохи Белого Движения; времен второй мировой войны и теперешняя. Он совершенно прав; но почему-то повелось вести отчет от революции; и поскольку это прочно вошло в обычай, не стоит, пожалуй, и пытаться его изменить, во избежание путаницы.

Воспоминания Дона Аминадо «Поезд на третьем пути», печатавшиеся с продолжениями в «Новом Русском Слове» с июня по сентябрь, распадаются на две части неравной ценности. Пока автор рисует литературные нравы предреволюционной эпохи, наш замечательный Серебряный век, он дает ценные материалы в отличной форме, часто с оттенком добродушного и заразительного юмора и, в общем, относительно объективно (хотя его личные взгляды всегда отчетливо чувствуются). Когда же он переходит к изображению жизни в эмиграции, то сразу делается партийным, не только в смысле сочувствия левому лагерю, но и в более узком смысле ведомственной верности «Последним Новостям» и отсюда враждебности к «Возрождению» и иным правым — по понятиям того времени — печатным органам. Это сильно вредит ка-

честву изложения. В результате, как ни странно, описание зарубежных лет выглядит у Аминадо куда более устарелым, чем таковое дореволюционных!

В № 5 бюллетеня «Ле Шуа», издаваемого по-французски Обществом Друзей Дмитрия Панина, назовем, как наиболее значительные по содержанию, статьи В. Моска «Предтечи» (о роли тайных обществ в организации Великой Французской Революции) и Е. Шуянского «Размышления участника венгерского восстания 1956 года». В этой последней много верных и глубоких мыслей; автор указывает, что Запад упорно желал видеть в венгерской революции только борьбу за национальную независимость и отказывался понимать ее антикоммунистический характер. Жаль только, что он сам не в силах подняться до сознания, что самым-то важным и нужным потенциальным союзником венгров в их борьбе был угнетенный русский народ! К числу самого убедительного и удачного у Шуянского принадлежит вскрытие им абсурдов и противоречий западного мира наших дней, порождающих его слабость перед лицом коммунизма; наоборот, его рассуждения на религиозные темы поверхностны, иногда и сомнительны.

В парижском журнале «Ревю дез Этюд Слав», в номере за 1977 год, появившемся после перерыва в несколько лет, привлекает внимание живая и дельная статья Жакелины де Пруаяр «Романтичен ли дьявол у Гоголя?». Хочется все же сделать автору кое-какие возражения. Так, нельзя противопоставлять романтизм и фольклор, наоборот, романтическое движение всегда щедро черпало из фольклора и, во всех странах, было с ним интимно связано. Не следует и преуменьшать роль юмора в романтической школе; многие романтики к нему часто прибегали. Попытки французской исследовательницы применить к Гоголю психоаналитические методы тоже не всегда успешны. Зато согласимся с ней полностью о громадной роли, какую в жизни и творчестве Гоголя имели женская красота и очарование, вопреки некоторым модным теперь домыслам о нашем великом писателе!

Не лишен ценности и этюд Мориса Колена «Был ли Радищев революционным писателем?», где убедительно показано, что политические идеи автора «Путешествие из Петербурга в Москву» имели в реальности гораздо менее радикальный характер, чем принято думать, и являлись, в основном, общими местами тогдашней просветительной философии, не чуждыми, в значительной мере, и самой Екатерине Великой. Добавим от себя, что, каковы бы ни были его взгляды в момент написания «Путешест-

вия», он, бесспорно, эволюционировал в дальнейшем вправо, о чем свидетельствует заключение уже цитированной нами выше его элегии о XVIII веке (о которой, между прочим, с большой похвалой отзывался Пушкин):

Но зри, две вознеслись скалы во среде
струй кровавых,
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.

Подобно полусказочным Атлантиде и Гондване, подобно фантастическому материку Му, «Континент» все глубже погружается в пучину вод, под грузом творений ретивых, но лишенных вкуса и чувства меры сотрудинок.

Стоит журнал дорого, считая по эмигрантскому карману. Не возьмем на совесть рекомендовать читателям купить № 13. Они там найдут прозу А. Гладилина и В. Некрасова, стихи Н. Горбаневской; кто их сочинения раз читал, для того ничего нового не обнаружится; все трое пишут всегда одинаково и неизменно на себя похоже. Невольное и почтительное изумление внушает их плодовитость (г-жа Горбаневская книжки печет как блины: уже издала на Западе два пухлых сборника!). Ах, если бы качество соответствовало бы количеству!..

Но, если у Анатолия Гладилина и есть талант, то пока ни в чем не проявляется; Виктор же Некрасов мог бы вздохнуть, вспоминая свой роман «В окопах Сталинграда»:

Вы миновали,
Златые дни Аранжуэца!

Тогда он рассказывал о вещах важных, и ему о них было что сказать; ныне же вяло и растянута талдычит некое нечто ни о чем; а, как известно:

Из ничего не будет ничего.

Курьезным образом, бурное увлечение комиксами, которым Некрасов спешит поделиться с публикой, явственно отражается на его писательской манере, порождая под его пером цепь разрозненных, бесвязных картинок.

Что до Наталии Горбаневской... Даже до пристрастия благосклонный к «Континенту» В. Малашин («Русская Мысль» от 10 ноября) об ее стихах роняет: «Кто-то и скажет, что это банально, пожалуй»... Непременно скажут: поскольку оно и верно.

Номер украшен переводами из украинских поэтов Игоря Качуровского; а зачем? Культурный великоросс легко читает Шевченко в оригинале; когда украинское стихотворение того заслуживает, — проще бы дать подлинный текст с отдельными пояснениями. Из помещенного тут лучше

всего «Гамлет» Леонида Первомайского (что за ужасная фамилия!).

Жемчужиной выпуска, — небольшой, но ярко сияющей среди окружающего ее элемента — является рецензия Василия Бетаки «Две истории», дающая прекрасный анализ замечательного труда Л. Регельсона «Трагедия русской Церкви» и скверной, двусмысленной книжки А. Краснова-Левитина «Лихие годы». Разбирая эту последнюю, Бетаки справедливо восклицает по поводу утверждения ее автора, будто бы социализм есть «один из подступов к Царству Божьему на земле»(!): «Не сразу можно решить, чего тут больше — кощунства или пропагандного пафоса». Полагаем — кощунства.

Позволим себе заметить, что по настоящему одаренный поэт, в чьем творчестве пробиваются отклики имперского мировоззрения петербургской России и, — несмотря на ошибки и увлечения, — желание и умение мыслить прямо (и неспособность — криво), Бетаки не совсем на месте в «Континенте», словно бы попал туда по случайности.

В заключение несколько слов к читателям. В моем «Обзоре», Бог весть почему, вкрадываются, порою и толпами врываются, — предосадные опечатки; с чем я, обитая в Париже, никак не в состоянии бороться. При виде некоторых, я испытываю живое желание последовать примеру известного русско-американского писателя Набокова, имевшего обыкновение в подобных случаях бросаться на пол и кататься из угла в угол.

В частности, *de mortuis* изменяется в *de mortius* (грамматическая форма, языку Цицерона и Горация неизвестная), старомодные фразы превращаются в стареющие фразы, жлоб в невразумительное жлоу, Светов становится Светловым, а Вагрич Бахчаниян — Вагрихом Бахганияном. Оно бы еще ничего; но уж вовсе меня доконали кошмарные киммирейцы, вторгшиеся на страницы журнала, вытесняя первоначальных киммерийцев. Спешу заверить весь мир, что такой ошибки я сделать не мог, ибо со студенческих лет помню наизусть большой отрывок из Овидия, открывающийся строкой: *Est prope Cimmericos longo spelunca recessu.*

P. S. «Вестник Р.Х. Д.» № 122 я получил уже после того, как мой «Обзор» был написан. Его подробный анализ будет мною дан в моем следующем обзоре, а сейчас мне хочется только отметить, что мысли, высказанные А. Солженицыным в его открытом письме, опубликованном в этом номере «Вестника» об очернении русской истории со стороны некоторых представителей

«третьей волны» удивительно совпадают с мыслями на ту же тему В. Пирожковой в ее статьях, напечатанных в «Голосе Зарубежья».

В. Р.

Согласно желанию В. Рудинского, редакция публикует письмо Ю. Вишневской, касающееся исключительно предыдущего «Обзора эмигрантской печати», а также ответ на это письмо В. Рудинского.

М. г.!

В «Обзоре зарубежной печати» Владимира Рудинского («Голос Зарубежья» № 6, стр. 37) допущена досадная ошибка фактического характера. Г-н Рудинский пишет: «Гвоздем последнего, 121-го (номера журнала «Вестник РХД» — Ю. В.) является статья «Разделение» Ф. Светлова (не будем пытаться разгадать, кто стоит за этим именем, по принципу *ex ungue leonem!*)...»

Автор столь понравившейся г-ну Рудинскому статьи не Светлов, а Светов (для того, чтобы в этом убедиться, вовсе не надо ничего «разгадывать», стоит только внимательнее посмотреть на стр. 195 «Вестника РХД» № 121. «За этим именем» стоит... Светов, Феликс Григорьевич, литературный критик, член Союза советских писателей, проживающий по адресу: 103104, г. Москва, Южинский пер., д. 14, кв. 17, тел. 299-30-94 (сведения даются по «Справочнику Союза писателей СССР», Москва, 1976, стр. 551). Статья «Разделение» — далеко не первый выход Феликса Светова в Самиздат. Правда, до сих пор он только подписывал коллективные письма в защиту арестованных и гонимых, не принимая участия в пресловутой «дискуссии среди инакомыслящих» — жанре, который, судя по всему, наиболее привлекателен для г-на Рудинского. Вообще Ф. Светов — личность в Москве довольно известная, в связи с чем таинственные намеки на «львов», которых «узнают по когтям», выглядят особенно таинственно.

Владимиру Рудинскому, как и всем прочим смертным (даже глубокоуважаемым авторам «Голоса Зарубежья»), свойственно ошибаться. Натуры страстные и эмоциональные обычно ошибаются чаще других, так как, заглядевшись на «когти», нередко не успевают рассмотреть фамилию, напечатанную тут же трехаршинными буквами. Зная за собой этот грех, г-ну Рудинскому не помешало бы несколько умерить категоричность своих высказываний, что несколько не снизит ценность его оригинального подхода к проблемам современной литературы.

Примите мои уверения в совершеннейшем к Вам почтении

Ю. Вишневская

Искренне признателен Ю. Вишневской за ценные сведения о Ф. Светове. Кое-что я узнал, как факт, еще до ее письма, — но уже после моей статьи, — из сообщения покойного М. Корякова в «Новом Русском Слове». Причем Коряков писал, что и он подумал сперва, что речь идет о самиздатском псевдониме: но, поискав в специальных энциклопедиях, установил, что это — реально существующая личность. У меня же энциклопедий под рукой не было; да, по правде сказать, и в голову не пришло в них заглянуть; а «Справочник Союза писателей СССР» вряд ли доступен в Париже.

Ю. Вишневская не учитывает, что люди, хорошо известные в Москве, менее известны в Париже или Нью-Йорке, даже

когда они того вполне заслуживают как Ф. Светов (вот и Коряков, специализировавшийся однако на вопросах оппозиции в Советском Союзе, тоже не знал).

Естественно, большая статья на живо-трепещущие литературные темы больше привлекла мое внимание, чем подпись под тем или иным протестом в СССР. При всем моем уважении к мужеству подписавшихся, — число коих, слава Богу, уже немалое, и все время растет, — кто в силах помнить все их фамилии наизусть? По крайней мере теперь, после выступления Ф. Светова в «Вестнике Р.Х.Д.», его имя станет знакомо эмиграции: *Ex ungue leonem*.

Владимир Рудинский

Е. КАРМАЗИН

Экономические заметки

В недавно опубликованном анализе ЦРУ указывается, что темпы развития советского народного хозяйства будут сильно замедляться из-за острой нехватки рабочих. В связи с этим принимаются и будут приниматься всяческие меры для стимулирования рабочих к росту производительности труда. Основная трудность, однако, состоит в том, что у рабочего нет достаточных стимулов к повышению своего заработка. Главная причина этого не столь недостаток товаров, на что обычно ссылаются, коль острый жилищный кризис. В сталинскую эру жилье почти не строилось. Хрущев очень много сделал для строительства жилья и кроме того ввел кооперативные квартиры, которые можно было получить сравнительно легко — и по цене, и по формальностям. В послехрущевскую эпоху, однако, строительство жилья резко уменьшилось, а кооперативов строится так мало, что они стали почти совсем недоступны (и цена их выросла). Но если рабочий живет с семьей из разных поколений (родители, взрослые дети и внуки) в одной комнате и в общей квартире с соседями, и не видит шансов на получение квартиры в обозримом будущем, то у него нет никакого интереса в покупке товаров для украшения этой невозможной жизни.

Зарабатывать деньги для развлечений тоже нет смысла, т. к. они почему-то запрещены. (Когда-то марксисты представляли себе социализм как рай на земле. Очевидно, в процессе строительства его каким-то образом спутали с адом. Наверно поэтому вместо того, чтобы запретить явно адские принадлежности — тюрьмы и лагеря,

запретили райские признаки — буржуазные развлечения, считая их позорными для социализма).

Получить путевку в санаторий или дом отдыха (да и что это за отдых — по 4 чел. в одной комнате) даже за полную стоимость — без 70% скидки, тоже почти невозможно.

Удивительно ли, что лишенный возможности иметь свою квартиру, развлечения и отдых, рабочий обращается к водке? А это уж никак не повышает производительность труда.

В очередной советский бюджет включен очередной миллиард рублей для погашения займов. В свое время Хрущев отменил займы, поскольку они ничего не приносили государству (кроме еще одной причины для раздражения населения). И не только потому, что погашение займов уже стоило столько же, сколько новый заем (в конце концов, можно было по сталинскому образцу провести очередную конверсию, т. е. обмен на новые облигации с автоматической и незаметной отсрочкой еще на 20 лет), но и в связи с абсурдностью основного принципа.

В самом деле, в социалистической стране, где величина зарплаты всего населения определяется государством, нет никакого смысла (кроме изощренного сталинского издевательства) изымать затем часть этой зарплаты в виде займов. По той же причине Хрущев собирался отменить подоходный налог, уменьшив на сумму налога зарплату высокооплачиваемых чиновников. Говорят, что на исчисление и сбор подоходного налога уходит значительная его часть.

Совершенно нелогичным поэтому представляется начатое недавно погашение займов. При Сталине было много налогов и сборов — подоходный налог, культсбор, военный налог, налог на малосемейных, займы, денежно-вещевые лотереи и т. д., причем все они были в равной мере обязательными. С таким же успехом можно вспомнить нищенскую зарплату, ужасные жилищные условия и товарный голод на протяжении десятилетий.

В связи с этим трудно понять, почему считается необходимым вернуть именно заем. Гораздо проще и целесообразнее было бы этот ежегодный миллиард рублей израсходовать на повышение пенсий низкооплачиваемых категорий и этим самым верным способом вернуть деньги именно тем, у кого их взяли.

Ведь у многих облигации пропали во время войны, многие их порвали после отмены займов, другие в разное время продавали их спекулянтам за бесценок, справедливо полагая, что эти бумажки все равно ничего не стоят.

Можно предположить, что погашение займов предпринято для очередной дискредитации хрущевского периода. Но вряд ли теперь, через десять лет после Хрущева, это актуально.

Не является ли погашение займов мерой в пользу высокооплачиваемых чиновников, у которых накопилось много облигаций и которые поэтому получают наибольшую выгоду от этого?

Но быть может, это мероприятие скорее связано с желанием восстановить в народе авторитет займов, чтобы ввести их снова в подходящий момент?

**

В новом советском пятилетнем плане рост производства автомобилей предусмотрен только на 8% за пятилетку. Некоторые западные обозреватели усматривают здесь ущерб потребителю, так как в предыдущей пятилетке выпуск автомобилей резко возрос, в связи с вводом в действие автозавода в Тольятти и модернизацией московского завода малолитражных автомобилей.

Ничто не может быть, однако, дальше от действительности. Резкий рост производства автомобилей начался в послехрущевскую эру в рамках общей линии на высокопоставленного потребителя. При Хрущеве считалось необходимым развивать городской общественный транспорт, доведенный при Сталине до плачевного состояния, и решительно улучшить отчаянное жилищное положение трудящихся.

Как и у других хрущевских реформ были противники и по этим проблемам. Громадные кварталы пятиэтажных домов с односемейными квартирами (заменивши-

ми общие коммунальные) были прозваны «хрущобами» — очевидно теми, кто получил прекрасные квартиры еще при Сталине. Некоторые архитекторы уже после снятия Хрущева жаловались в газетах, что они целых 10 лет не работали из-за массового типового строительства. Цена подобных жалоб и острот стала ясно видна, когда в 1965 г. средства были переброшены на строительство автозаводов. Архитекторам дали волю — и строительство сразу подорожало в полтора раза, а ежегодно количество нового жилья из-за всего этого уменьшилось вдвое и замедлилось развитие общественного транспорта.

Сомнительно, конечно, что нынешнее сокращение строительства автозаводов приведет к возврату даже хрущевских темпов развития жилья и городского транспорта. Но не следует искать интересы потребителя в производстве автомашин в СССР, которые стоят 5000 рублей, т. е. примерно три годовых зарплаты. Как видно, западные мерки здесь неприменимы.

**

Кончился, наконец, сельскохозяйственный год в СССР, кончилась уборка урожая, на сей раз высокого. Но чего стоила населению эта уборка? Как обычно, местным властям было «разрешено, в виде исключения, привлекать на сельскохозяйственные работы трудоспособное население городов». На этом основании местные власти сразу дают указания предприятиям и учреждениям, — и большинство служащих и некоторое число рабочих направляются на 1-2 месяца на принудительный труд.

При этом понятие «трудоспособного» намеренно сделано неясным, что дает возможность администрации отправлять всех подряд — лишь бы выполнить заданное число, а каково это самим нетрудоспособным — никого не интересует. Эта намеренная неясность законодателя хорошо видна из сходного случая: студенты могут направляться на летние строительные работы только «годные к физическому труду по состоянию здоровья».*)

Отсутствие такого же указания для привлечения на уборку урожая дает возможность нарушения всех прав человеческой личности, в первую очередь — у интеллигенции. Конечно, в СССР уборка урожая — это нечто вроде стихийного бедствия. Но даже в случае войны мобилизация проводится с соблюдением юридических и медицинских гарантий. Отсутствие всяких гарантий на уборке урожая очень похоже на китайский опыт перевоспитания интеллигенции.

*) «Экономическая газета», № 26, июнь 1976, стр. 16.

КОНТИНЕНТ

Редакция:
Kontinent Verlag GmbH,
1 Berlin 61, Lindenstraße 76
Telefon 030-259 15 14

Представительство по распространению:
A. Neimanis Buchvertrieb GmbH
8 München 40, Bauerstraße 28,
Tel. 089-37 05 34

15.10.77.

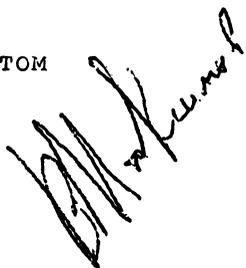
Редакции "Голос Зарубежья"

Уважаемые господа!

Пересылая нам свой достопочтенный журнальчик, вы, видимо, ошиблись адресом. Вам следует отправлять его своим единомышленникам на дубянку. Просим более не беспокоить себя почтовой волокитой, ибо мы не будем отвечать вам ни устно, ни письменно из одной лишь брезгливости.

С приветом

В. МАКСИМОВ

Комментарий к этому письму, собственно говоря, излишен. Оно говорит само за себя и ясно показывает нравственный облик его автора. Сотрудники «Голоса Зарубежья» — большинство уже десятки лет — более чем известны как твердые и неустанные борцы против коммунизма. Они были ими и тогда, когда г-н Максимов был еще лояльным советским писателем. Поэтому инсинуации г-на Максимова их не затрагивают. Но подобные нелепые выпады совершенно типичны для советского метода заткания рта всем критикам. Кто критикует советскую официальную печать, тот «враг народа». По этому же образцу построено и письмо г-на Максимова, который, видимо, принимает «Континент» за нечто вроде «официальной прессы», которую никто не смеет подвергать критике. Почти траги-

комично то, что Максимов в своем огульном обвинении охаял и тех наших авторов, которые печатались и в «Континенте», больше того, иных из них он сам упоминает как особых покровителей «Континента» в своем выступлении в Берлине («Континент» в океане всеобщей толерантности», «Новое русское слово», 5 ноября 1977 г.). В этом докладе г-н Максимов приписывает себе и «Континенту» особую толерантность, отказывая в ней другим. Как выглядит эта «толерантность» на деле свидетельствует его письмо в нашу редакцию.

Мы публикуем письмо г-на Максимова потому, что русская эмигрантская общественность должна знать, что представляют собой некоторые из тех, кого многие, — и мы сами, — принимали за достойных уважения людей и даже за героев.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ИЗРАИЛЯ

Празднование 60-летия октябрьской революции в Израиле

9 ноября 1977 г. в Израиль прилетели по приглашению израильской компартии представители Сов. Союза для участия в торжественном митинге общества дружбы «Израиль—СССР», посвященном 60-летию большевицкого переворота.

У здания «Бейт-Соколов», израильского прессцентра в Тель-Авиве, где должен был произойти этот митинг, собралось большое количество израильтян, многие из которых были выходцами из СССР; были там и бывшие политзаключенные из СССР (Ю. Вудка, М. Лапид, А. Богуславский, А. Фельдман, А. Слинин, А. Шифрин и др.); были члены группы защиты А. Шаранского во главе с М. Штиглицем, родственники многих отказников (евреев, многие годы безуспешно добывающих разрешения на выезд из СССР в Израиль); была религиозная молодежь — уроженцы Израиля; профессор Б. Талгер, члены группы новых поселений и многие другие.

Собравшиеся принесли с собой плакаты и громкоговорители, а также... тухлые яйца. Они преградили вход в здание митинга, и полиция вынуждена была расчищать проход силой, чтобы дать возможность приглашенным войти во внутрь. Когда коммунисты поднялись по ступеням к двери, вслед им летели тухлые яйца. А они... плевали в ответ.

Пение демонстрантами сионистских песен было настолько громким, что проводить митинг коммунисты фактически не могли. Кроме того, они долго не решались привести на митинг советских «гостей», благодаря чему начало было оттянуто с 8 на 10 часов вечера. В конце концов, «почетные гости» проникли в здание тайно, через черный ход...

Репортеры газет, бывшие внутри, рассказывали, что митинг был, по сути дела, сорван, — как шумом демонстрантов под окнами, так и атмосферой нервозности, царившей в зале, где было не более 50 евреев-коммунистов и 100 арабов — «друзей СССР».

Расходились участники «торжества» через черный ход. А для отвлечения внимания демонстрантов часть коммунистов вышла, под охраной полиции, через главный вход и прошла через проложенный в толпе демонстрантов коридор под улюлюканье, свист, выкрикивание антикоммунистических лозунгов. И опять коммунисты попытались озлобленно плевать, но теперь уже плевки летели им в лица, и не только

плевки, но и струи вонючего газа из баллонов-спринцовок.

Расходясь, многие участники демонстрации удовлетворенно говорили: «Слава Богу, впервые хорошо отпраздновали годовщину Октября!».

Надеемся, что этот урок покажет коммунистам из СССР, что в Израиль больше ездить не следует!

Тель-Авив, 10 ноября 1977 г.

«МАОЗ», сионистская антикоммунистическая организация

P. S. После того, как этот номер журнала был уже сверстан, пришла немецкая газета «Франкфуртер Альгемайне Цейтунг» от 17 декабря. В ней помещена статья Андрея Разумовского под заглавием: «Несчастье, что они этого еще не поняли». В статье цитируется письмо чеха Ота Филипа, который сотрудничает в редакции «Континента». Для сведения наших читателей мы приводим несколько отрывков из письма Филипа, как они цитированы в статье: «Большое несчастье я вижу в том, что Владимир Максимов своей нетерпимостью и диктаторскими манерами многих отталкивает... В «Континенте» не дискутируют, в «Континенте» не может быть выражено никакого другого мнения, кроме приятного кругу близких к Максиму людей... Это не редакция, не лекторат, а цензурное учреждение, где предают проклятию или даже называют агентом КГБ каждого, кто решается сказать хоть слово против неудачной концепции журнала».

Редактирует коллегия:

И. Мусман, В. Пирожкова

Адрес редакции: GOLOS SARUBESCHIA
Bothmerstr. 14, 8 München 19. BR Deutschland

Verantwortlich für den Inhalt:

Redaktionskollegium:

I. Musman, V. Piroshkova

Банковский счет —

Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 München, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: „Logos“, Bothmerstr. 14, 8 München 19